

№ 32. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 11 Августа 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

СКУЛЬПТУРА ВЕНАНЦІО ВАЛЬМИТЖАНА.

Красота, покоряющая силу.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи въ Парижѣ.

При осадѣ Никшича.

(Ст. д-ра **А. В. Щербакъ**.)

(*Окончаніе*.)

ъ наступленіемъ вечера въ городѣ все успокоилось. Князь приказалъ удвоить стражу и, назначивъ Пламенаца управителемъ Никшича, самъ съ приближенными уѣхалъ въ лагерь, который въ этотъ день былъ перенесенъ изъ Горняго Поля къ развалинамъ Махмудовой кучи. Наша же стоянка осталась на прежнемъ мѣстѣ.

Было довольно поздно, когда я со своимъ помощникомъ, студентомъ изъ герцеговинцевъ, окончивъ дезинфекцію лазарета и перевязку раненыхъ, отправился на старый бивуакъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день утромъ окончательно перебраться со всѣмъ санитарнымъ имуществомъ въ Никшичъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ Горнему Полю, дымились костры, возлѣ которыхъ расположились запоздавшіе никшичскіе горожане, отправляющіеся въ Мостаръ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Горнему полю, тѣмъ рѣже попадались костры,—вѣроятно, изъ предосторожности не забраться слишкомъ далеко отъ охранительной черногорской власти. Густой туманъ, осѣвшій на полѣ, вмѣстѣ съ ночною темнотою, ежеминутно сбивалъ насъ съ тропинки, составлявшей продолженіе прежней дороги по Горнему Полю, но, въѣхавъ въ бурьянъ, мы заблудились уже окончательно.

Спутникъ мой отнесся равнодушно къ этому непріятному обстоятельству и, совѣтуя бросить поводья и пустить лошадей на авось, сталъ закуривать папиросу; но лишь только онъ зажегъ спичку, какъ въ ту же минуту гдѣ-то очень близко провизжала пуля. За первой немедленно послѣдовала вторая, третья, четвертая... Мы поспѣшили потушить наши папиросы.

Въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно происхожденія злополучныхъ выстрѣловъ, мы пріостановились и рѣшили, что будетъ безопаснѣе дойти до означенной стоянки пѣшкомъ, а лошадей вести за поводья. Но мысль о выстрѣлахъ не выходила у насъ изъ головы. Правда, черногорцы имѣютъ обыкновеніе разряжать свои кремневые пистолеты послѣ дождя или тумана и въ замѣнъ подсыпки на полку сухого пороху—забивать свѣжій зарядъ, но въ данномъ случаѣ допустить такое предположеніе нельзя было, направленіе выстрѣловъ въ нашу сторону было слишкомъ очевидно.

— Какой это чортъ въ насъ стрѣляетъ! ворчалъ мой товарищъ.

— Вѣроятно, никшичане, съ досады за сдачу города, сказалъ я.

Но спутникъ мой замѣтилъ на это, что врядъ-ли никшичане рѣшатся на подобное дѣло.

— Такая темень, что распознать ѣдущихъ всадниковъ нѣтъ никакой возможности и весьма легко попасть въ своихъ, говорилъ онъ.

Перебирая въ памяти всѣ обстоятельства дня, я все-таки не могъ найдти, какой либо подходящей причины для объясненія выстрѣловъ. Между тѣмъ блужданію нашему по бурьяну и конца не предвидѣлось. Спотыкаясь на каждомъ шагу, мы вдругъ неожиданно наткнулись на какую-то двигающуюся, черную массу. Лошади наши фыркнули и шарахнулись въ сторону, едва не вырвавъ изъ рукъ поводья. Инстинктивно выхвативъ въ одну секунду револьверы и прислонившись спиною къ лошадямъ, мы почти въ одинъ голосъ сдѣлали окликъ: «Кто се?»

Въ отвѣтъ раздалось: «Турци!»

Несмотря на темноту, можно было разглядѣть двухъ лошадей и три человѣческія фигуры, остановившіяся въ трехъ шагахъ отъ насъ.

Нѣсколько минутъ длилось обоюдное молчаніе. Наконецъ, какъ бы условившись заранѣе, мы вмѣстѣ съ незнакомцами, не спуская другъ съ друга глазъ и не поворачивая головы, двинулись впередъ.

Рука моя судорожно сжимала револьверъ. «Шарахнуть развѣ? а то вѣдь пожалуй предупредятъ», мелькала въ головѣ мысль при всякомъ подозрительномъ движеніи незнакомцевъ. Но съ другой стороны начать первому чувствовалось какъ-то неловко, тѣмъ болѣе, если у нихъ были тѣ же опасенія относительно насъ. Тогда посягательство на жизнь ихъ будетъ уже равносильно убійству.

Въ такомъ напряженномъ состояніи добрели мы до края оврага, на днѣ котораго пылалъ большой костеръ. Кругомъ него, покуривая изъ длинныхъ чубуковъ, сидѣло человѣкъ 10 турокъ. Влѣво отъ оврага, на разстояніи версты, мерцали огоньки.

Мѣстность эта оказалась намъ знакомой и мы безъ труда признали въ огонькахъ нашу стоянку. Однако, прежде, чѣмъ свернуть по направленію къ ней, мы дождались, пока наши случайные спутники не достигли костра. Одинъ изъ нихъ, нѣсколько поотставъ отъ товарищей медленно подвигался впередъ, все время въ нашу сторону. Предположеніе мое, повидимому, оправдывалось: они опасались насъ столько же, сколько и мы ихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ быстрой ходьбы, мы достигли нашего бивуака, едва не сдѣлавшись жертвою ошибки часового, который не разслышавъ оклика, чуть было не выстрѣлилъ по насъ.

Съ наступленіемъ утренней зари (28 августа), палатки и все имущество наше были наскоро собраны; распростившись навсегда съ Горнемъ Полемъ, мы отправились въ Никшичъ.

Несмотря на ранній часъ, весь почти городъ былъ на ногахъ. Пламенацъ, съ нѣсколькими перениками, тщательно провѣрялъ инвентарь хлѣбнаго магазина, сдавая его Касопиповичу, который, какъ коршунъ, почуявшій добычу, уже успѣлъ примчаться въ прошлую ночь. Нѣкоторые изъ горожанъ, вчера еще порѣшившіе остаться въНикшичѣ, сегодня же раздумали и, навьючивая своими пожитками лошадей, поспѣшно собирались въ Мостаръ. На Пламенаца это производило, повидимому, весьма пріятное впечатлѣніе и онъ, любезно прощаясь съ побѣжденными, говорилъ имъ съ добродушной усмѣшкой, что они поступаютъ весьма практично, такъ какъ ручаться за будущее весьма трудно.

— Вѣдь Богъ знаетъ! можетъ быть, скоро настанетъ время, когда и переселиться изъ Никшича нельзя будетъ. Гораздо лучше сдѣлать это раньше.

Хотя въ то же время, онъ предлагалъ всѣмъ оставаться, давая слово, что никто не будетъ обиженъ.

Бѣдному воеводѣ выпало на этотъ разъ не мало заботъ. Въ самомъ разгарѣ провѣрки хлѣбныхъ мѣшковъ, къ нему ввалилась шумная толпа черногорцевъ и турокъ. — Оказалось, что первые встрѣтили среди турокъ своихъ старыхъ должниковъ. Въ свою очередь, турки нашли таковыхъ же между черногорцами; тутъ же кстати припомнились претензіи и на своихъ: турки на турокъ, черногорцы на черногорцевъ. Всѣ они съ гвалтомъ и крикомъ требовали, чтобы воевода разобралъ ихъ.

Не имѣя возможности разомъ исполнить нѣсколько обязанностей, Пламенацъ приказалъ тяжущимся дождаться пріѣзда князя, который, вѣроятно, сдѣлаетъ, по этому поводу, новое распоряженіе.—И дѣйствительно, прибывъ въ Никшичъ, князь, выслушавъ заявленіе Пламенаца, немедленно назначилъ судъ въ составѣ двухъ лицъ изъ своей свиты. Почетная обязанность судей была возложена на двухъ сердарей: Іову Пилетича и Саву Іовалевича.

Каждому изъ сердарей было лѣтъ около 70-ти, но Іова на видъ казался моложе и бодрѣе своего собрата. Какъ тотъ, такъ и другой, съ давнихъ поръ, возсѣдали въ черногорскомъ сенатѣ и слыли между соотечественниками, хотя и знатоками своего дѣла, но подъ часъ капризными и придирчивыми.

Первый вопросъ для сердарей состоялъ въ выборѣ мѣста, гдѣ должно было совершаться правосудіе и потому тотчасъ по выходѣ отъ князя, къ которому они были призваны для полученія новаго назначенія, Іова и Сава, закуривъ длиннѣйшіе чубуки и сопутствуемые вереницей согражданъ, алчущихъ и жаждущихъ справедливости, медленно двинулись по улицамъ Никшича для рекогносцировки мѣстности. Большею частью домики оказывались то слишкомъ малыми, то съ пробоинами или другимъ изъяномъ. Наконецъ, Іова, примѣтивъ небольшой домъ противъ локанды вошелъ въ него и, кажется, на этотъ разъ остался доволенъ помѣщеніемъ. Рѣшеніе вопроса быть-ли тутъ судилищу, оставалось за Савою, который нѣсколько замѣшкался въ дорогѣ, накладывая вторую трубку.

При входѣ въ помѣщеніе, одобренное товарищемъ, Сава поморщился и, оглянувъ стѣны, замѣтилъ, обращаясь къ Іовѣ:

— Ей Богу не нравится!

Тогда Іова, вторично оглянувшись кругомъ и испустивъ короткое мычаніе, послѣ котораго обыкновенно у него слѣдовалъ отвѣтъ, проговорилъ скороговоркой:

— И мнѣ тоже не совсѣмъ нравится!

А затѣмъ оба сердаря призадумались.

— Гораздо лучше въ кафанѣ, произнесъ онъ, указывая на корчму, — тамъ веселѣе, а здѣсь какъ въ трущобѣ, нѣтъ ни ракіи, ни общества, не правда-ли? *).

Іова, промычавъ, въ знакъ согласія кивнулъ головой, и оба повидимому, весьма довольные своимъ рѣшеніемъ, быстро направили шаги къ злачному мѣсту.

Кафана помѣщалась во второмъ этажѣ небольшого дома на самой торговой улицѣ Никшича, гдѣ кромѣ того находилось десятка два разныхъ лавокъ, въ настоящее время на глухо заколоченныхъ, кромѣ двухъ или трехъ, въ которыхъ торговали оставшіе въ городѣ никшичане. Небольшая комната кафаны, съ низкими сидѣньями вдоль боковыхъ стѣнъ, съ перваго же дня капитуляціи, стала усердно посѣщаться черногорцами. Большія отверстія, произведенныя шарохой въ крышѣ и въ одной изъ стѣнъ, образовали вентиляцію, отлично провѣтривающую комнату отъ густого дыма безчисленныхъ трубокъ и папиросъ посѣтителей. При входѣ въ нее, нѣкоторые изъ черногорцевъ внимательно оглядывали эти отверстія и, самодовольно щелкая языкомъ, приговаривали: «врло добро годилъ топъ боггами!» Запасъ ракіи, хранившійся въ кафанѣ, былъ значительно истощенъ; по кофею оставалось еще вдоволь.

Здѣсь сердари немедленно заняли мѣста у передней стѣны, обязательно уступленныя имъ находящимися уже въ кафанѣ посѣтителями, которые вмѣстѣ со вновь вошедшими придвинулись поближе къ стѣнамъ, образуя возлѣ судей небольшой полукругъ. Нѣкоторые изъ тяжущихся, за недостаткомъ мѣста, должны были остаться въ прихожей.

Шумный говоръ затихъ; наступило довольно продолжительное молчаніе. Сердарь Іова углубился въ созерцаніе своего табачнаго кисета, а

*) Па, боле било да пойдемъ онамо (указывая на корчму) веселіе боггами! — Овде сму ка у яму ни ти ракіе, ни дружства! — О чемъ ли?

Сава, флегматически покуривая трубку, обводилъ долгимъ и внимательнымъ взглядомъ стоявшую кругомъ его публику, пока взоръ его не остановился на одномъ изъ посѣтителей.

— Како си ты? *) благосклонно обратился онъ къ нему.

Человѣкъ этотъ былъ не изъ тяжущихся и, не будучи лично знакомъ съ сардаремъ, смутился немного, не зная, чему приписать вниманіе почтеннаго судьи, но, однако, онъ скоро нашелся и, снявъ капицу, отвѣтилъ:

— Хвала Богу, господине сердарь.

Затѣмъ наступило минутное молчаніе. Стоявшій рядомъ съ спрошеннымъ пріятель усиленно подмигивалъ ему на полку, уставленную графинами ракіи, но послѣдній упорнѣйшимъ образомъ молчалъ.

Убѣдившись, что благосклонное привѣтствіе нисколько не приблизило къ нему янтарной влаги, сердарь Сава сталъ морщиться, потомъ кашлянулъ и, снова обводя глазами публику, быстро обратился ко второму черногорцу, одѣтому богаче перваго и спросилъ:

— Давно-ли онъ прибылъ сюда?

Этотъ, въ свою очередь, какъ и первый, никогда не былъ знакомъ съ сердаремъ, однако, нисколько не смутившись, отвѣтилъ, что уже давно состоитъ въ войскахъ.

— А ты сегодня обѣдалъ? **) послѣдовалъ неожиданно вопросъ сердаря.

Находчивый черногорецъ немедленно отвѣтилъ, что хотя онъ еще и не ѣлъ, но будетъ очень скоро обѣдать! (Ни ёшъ, али очу брзо).

На что Сава, проговоривъ мягкимъ голосомъ: «Я тоже еще не обѣдалъ!» ***) многозначательно при этомъ кашлянулъ.

Посѣтитель задумался на нѣсколько секундъ и вдругъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, умильно-заискивающимъ тономъ спросилъ Саву:

— Не хотите-ли немножко очистить желудокъ? ****).

Физіономія Савы мгновенно измѣнилась изъ выжидательной въ равнодушно лѣнивую и онъ нехотя отвѣтилъ:

— А!.. нѣтъ не хочу... Сегодня мы съ княземъ пили... заморскую водку, которая сожгла мнѣ всѣ внутренности! (А!.. ни чамо... да самъ смо съ Кніаземъ пили... Па, не какве заморскве Латинскве ракіе испекла ми живіо утробице!) *****).

Услышавъ отказъ, черногорецъ сталъ еще убѣдительнѣе потчивать судей, говоря:

— Мы знаемъ, ей Богу, что вы всегда съ княземъ пьете, но намъ было бы очень пріятно, если бы вы нашу сиротскую, за нашу любовь, выпили! (А ми знаемъ, Боггами, ви све съ Кніаземъ піете, ели намъ е мило било, да ви наше сиромашке за любавь попіете).

При этихъ словахъ, легкая улыбка озарила лицо Савы (Іова сохранялъ все тотъ же равнодушный видъ) и, не дослушавъ конца фразы, онъ крикнулъ небрежно кафанщику:

— Эй! дай одну оку! (Хай! да ди едну оку!)

Ракія моментально очутилась передъ обоими судьями и съ пожеланіемъ взаимнаго здравія, сердари поочередно стали прохлаждаться.

Лишь только началось судейское прохлажденіе, какъ изъ передняго ряда стоявшей вокругъ публики, выдвинулся черногорецъ.

Снявъ капицу и поцѣловавъ въ грудь обоихъ сердарей, онъ молча сталъ противъ нихъ.

— Что хочешь? спросилъ его сердарь Іова, нарушая въ первый разъ молчаніе.

*) Какъ поживаешь?

**) А есели што ручао да насъ?

***) Боггами ни-смъ ни я ёшъ ручао!

****) О чемъ ли да малечко очистимо утробице?

*****) Надо замѣтить, что сердари Іова и Сава обѣдали съ княземъ въ особенно исключительныхъ случаяхъ.—Въ этотъ же день они видѣли князя мелькомъ.

Спрошенный отвѣтилъ, что онъ пришелъ съ жалобой...

Но Сава, не давъ ему договорить, прервалъ недовольнымъ тономъ:

— Подожди, ради Бога, видишь намъ некогда!

Дѣло въ томъ, что въ эту минуту проголодавшіеся судьи поспѣшно глотали куски жареной баранины, запивая ее стаканчиками ракіи.

Утоливъ голодъ и тщательно обтеревъ усы, сердарь Сава снова обратился къ черногорцу:

— Откуда ты? спросилъ онъ его.

— Изъ Чевы! отвѣчалъ тотъ.

— Что же тебѣ нужно? продолжалъ допрашивать сердарь.

Истецъ началъ излагать свою жалобу, состоявшую въ томъ, что сосѣдъ его по жилищу, нѣсколько времени тому назадъ, занялъ у него 15 талеровъ. Срокъ займа прошелъ, а должникъ занятыхъ денегъ не возвращаетъ, потому онъ покорнѣйше проситъ сердарей принудить должника къ немедленной уплатѣ долга.

— Гдѣ же твой должникъ? спросилъ Іова.

Истецъ ткнулъ пальцемъ въ стоявшаго рядомъ съ нимъ черногорца:

— Вотъ онъ!

Сердарь Іова, взглянувъ на послѣдняго, спросилъ у него строгимъ голосомъ:

— Ты ему долженъ?

— Долженъ! ей Богу! *) отвѣчалъ должникъ.

— Почему же не возвращаешь ты ему долгъ? еще болѣе строгимъ голосомъ продолжалъ допрашивать сердарь Іова.

— Не имѣю! (Не мамъ), былъ категорическій отвѣтъ обвиняемаго.

Оба судьи молча оглядѣли тяжущихся.

Іова потянулся рукою за стаканчикомъ съ ракіей, а Сава, сдѣлавъ нѣсколько усиленныхъ затяжекъ изъ трубки и не спуская глазъ съ кредитора, проговорилъ:

— Видишь-ли, братъ, чего нѣтъ, того и царь не ѣстъ! Откуда дать, когда нѣтъ? **).

Затѣмъ, обратясь къ должнику, спросилъ его:

— А когда у тебя будутъ, отдашь ему?

— Отдамъ, какъ не отдать! съ полною увѣренностью въ голосѣ подтвердилъ должникъ ***).

— Ну и хорошо! Идите теперь съ Богомъ! послѣдовала короткая резолюція Савы.

Однако, заимодавецъ остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и, переминаясь на мѣстѣ, намѣревался уже возражать, какъ вдругъ чубукъ, выскользнувъ изо рта судьи, принялъ угрожающее положеніе, а изъ устъ разгнѣваннаго сердаря послышалось сердитое восклицаніе:

— Ай да, Боггами, ай да!

Тяжущіеся мгновенно отступили и, постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, направились къ выходу, гдѣ, повидимому, вступили между собою въ дружелюбную сдѣлку.

На мѣсто ихъ передъ сердарями выступили новыя лица: черногорецъ четоводъ ****) негушскаго батальона и горожанинъ Никшича изъ богатой турецкой фамиліи Мусевичей.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Не за долго до войны, когда еще черногорцы находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ никшичанами, вышеназванный четоводъ продалъ Мусевичу свою лошадь, за которую получилъ только половину денегъ. Не доплаченную сумму покупщикъ обязался, по словесному договору, уплатить въ возможно скоромъ времени... Но тутъ подоспѣла война,—пріятели сдѣлались врагами и турецкому долгу предстояло кануть въ вѣчность, если бы не случайная встрѣча на улицѣ продавца съ покупателемъ, въ день капитуляціи Никшича.

*) Е самъ, Боггами!

**) Э па видишъ, брате, чега не ма на царь ни ѣде! откуча дати, кадъ не ма?

***) Вопросъ сердаря по сербски былъ въ такой формѣ:

— А кадъ имашъ, дачешъ му ихъ? очешъ-ли?
Обвиняемый.—Очу! како да нечу!
Буквальный переводъ:
— А когда будешь имѣть, дашь ему? хочешь-ли?
— Хочу! какъ не хочу!

****) Предводитель четы — нѣчто въ родѣ ротнаго командира.

Турокъ, не отрицая факта покупки, наотрѣзъ отказался отъ долга, говоря, что уже давно уплатилъ все до одной пары. Ни документовъ, ни свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ не было... Какъ тутъ быть? А между тѣмъ судейская мудрость въ образѣ двухъ почтенныхъ сердарей, должна была непремѣнно разрѣшить гордіевъ узелъ. Сава, склонивъ голову на грудь, погрузился въ долгое размышленіе, а Іова сталъ какъ-то порывисто затягиваться изъ трубки. Но вотъ морщинки на лбу Савы стали мало-по-малу сглаживаться, на губахъ его мелькнула насмѣшливая улыбка и, обращаясь къ Мусевичу, онъ сказалъ:

— Ты долженъ поклясться, въ мечети, надъ кораномъ, что выплатилъ весь долгъ! Исполни это, если ты правъ!

Турокъ, не ожидавшій такого рѣшенія, спачала смутился, но потомъ сталъ горячо доказывать, что клясться изъ-за такой ничтожной суммы и надъ святыней, какъ коранъ, ему, изъ знаменитаго рода Мусевичей, будетъ позоръ и великій грѣхъ, что онъ этого, ни подъ какимъ видомъ, не сдѣлаетъ, а пойдетъ сейчасъ жаловаться князю на пристрастное и несправедливое рѣшеніе.

Съ этими словами Мусевичъ стремительно выбѣжалъ изъ судилища и помчался къ князю *).

Его свѣтлость, выслушавъ его жалобы, нашелъ что въ рѣшеніи судей нѣтъ ничего пристрастнаго и посовѣтовалъ возмущенному турку покориться резолюціи суда.

Въ сильномъ негодованіи, предсталъ Мусевичъ снова передъ глазами сердарей, которые, во время его отлучки, успѣли разобрать еще два другихъ дѣла и казались значительно утомленными; но, при видѣ вернувшагося подсудимаго, нѣсколько оживились и не безъ любопытства спросили его:

— Ну, что сказалъ тебѣ господарь?

Турокъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, произнесъ со злостью:

— Я поклянусь! но грѣхъ падетъ на вашу голову.

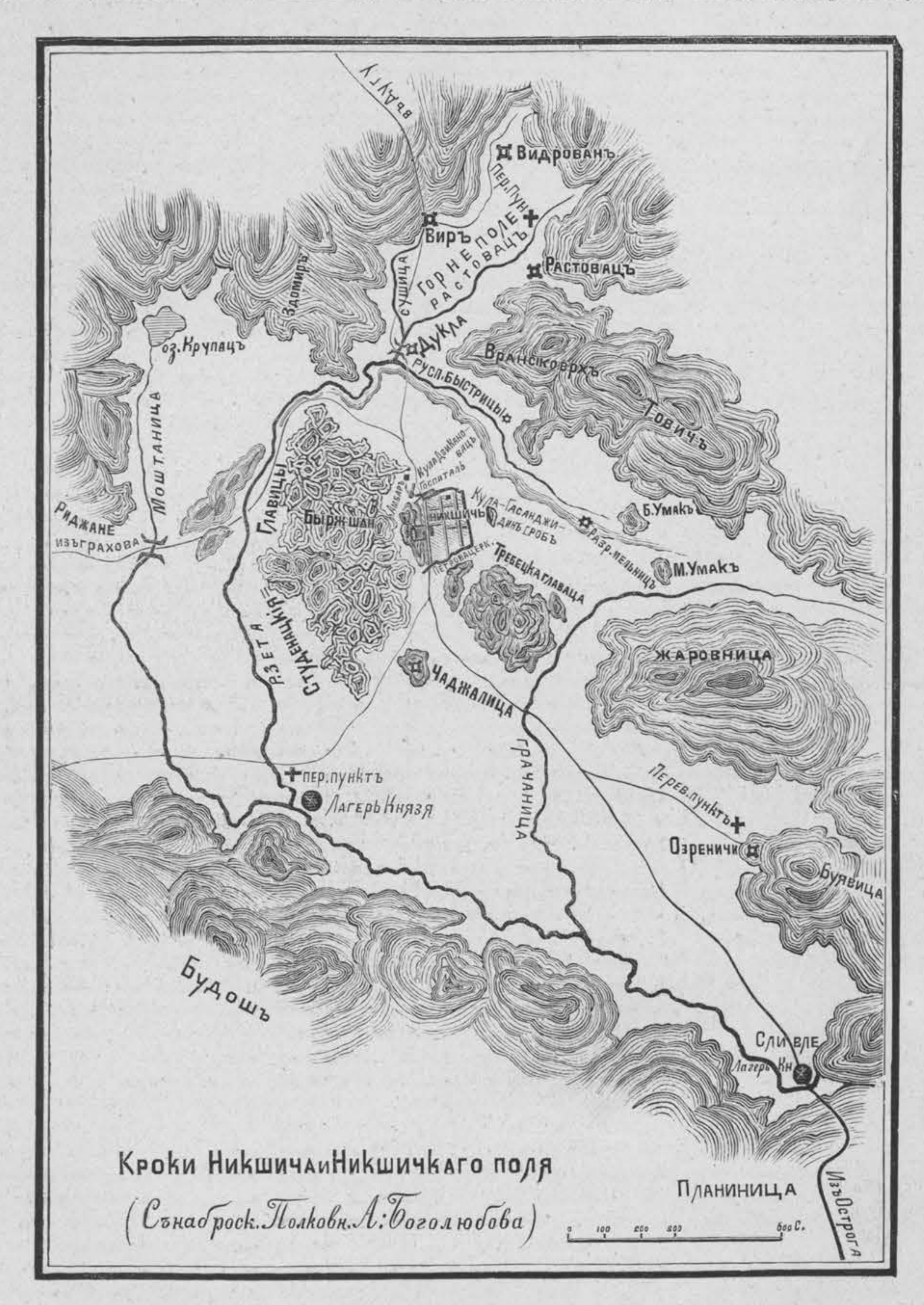
— О! будала, будала! проговорилъ сердарь Іова съ укоризной смотря на него.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ раздумья, Мусевичъ положилъ на колѣни Савы причитавшуюся за нимъ сумму и, сказавъ, что онъ предпочитаетъ скорѣе уплатить деньги, нежели поклясться, съ медленной величавостью удалился изъ судилища.

Судьи хотѣли разобрать еще одно дѣло и тѣмъ покончить на сегодняшній день, но пришедшій переникъ сообщилъ имъ, что къ князю привели Нико Мартиновича, убившаго на дняхъ своего родича изъ чувства мести. Услышавъ это, сердари поспѣшно встали и, отложивъ разбирательство новыхъ дѣлъ до слѣдующаго дня, отправились къ жилищу князя.

Исторія преступленія Нико Мартиновича, относится къ числу тѣхъ драматическихъ, кровавыхъ эпизодовъ, которые не рѣдки между черногорцами. Мотивомъ даннаго преступленія, служила кровавая месть Нико Мартиновича, жертвою которой сдѣлался обольститель жены его. Дѣло это сопровождалось слѣдующими обстоятельствами. Года 3 назадъ, Нико, претерпѣвая постоянный недостатокъ въ матеріяльныхъ средствахъ, отправился на заработки въ Константинополь, разсчитывая скопить немного денегъ на поправку своего разстроеннаго хозяйства. Жену свою онъ оставилъ дома. Прошло около года. Нико не возвращался, а между тѣмъ за женой

*) Домъ, гдѣ помѣщался князь, находился поблизости отъ кафаны.

его сталъ ухаживать и близко сошелся съ ней черногорецъ того же села, изъ котораго родомъ былъ и Нико. Князь, узнавъ про это, отдалъ приказъ, по которому невѣрная жена и обольститель ея, должны были немедленно и навсегда удалиться изъ предѣловъ Черногоріи. Вскорѣ послѣ этого загорѣлась война между Турціей и Черногоріей (76-го года). Воинственный, призывный кличь князя Николая ко всѣмъ черногорцамъ, способнымъ носить оружіе, разнесся далеко за Черную Гору и всякій, кто только могъ, поспѣшилъ съ различныхъ концовъ Европы, стать подъ родное, боевое знамя. Въ числѣ прибывшихъ, находились обольститель и оскорбленный мужъ. Оба они, храбро сражаясь въ рядахъ соратниковъ, не подозрѣвали о присутствіи другъ друга на родной землѣ, пока судьба не столкнула ихъ. Произошло это такъ:

Сопернику Нико Мартиновичу, послѣ участія его въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, была временно поручена раздача провіанта. По странной случайности, онъ выбралъ для хлѣбнаго склада опустѣвшій домъ Нико. Дня за 4 до описываемаго событія, въ числѣ очередныхъ войниковъ *), пришедшихъ за таиномъ **), очутился Нико Мартиновичъ.

Взглянувъ на раздатчика хлѣба, Нико вздрогнулъ и остолбенѣлъ. Шумный говоръ собравшихся черногорцевъ смолкъ. Воцарилось молчаніе: исторія эта была извѣстна присутствующимъ.

Вдругъ среди мертвой тишины раздался леденящій голосъ оскорбленнаго мужа:

— Ты укралъ мою честь!.. теперь ты взялъ мое жилище!.. Что же мнѣ остается?.. Въ землю идти?..

Виновный, опустивъ глаза, молчалъ...

— Нѣтъ!.. ты иди туда, а съ меня довольно, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и положивъ руку на револьверъ.

Окружавшіе мрачно смотрѣли на происходившее и не трогались съ мѣста.

— Ну, и умри же! проговорилъ Нико, быстро выхватывая револьверъ изъ-за пояса.

Раздался выстрѣлъ... и любовникъ невѣрной жены съ прострѣленнымъ сердцемъ упалъ мертвый къ ногамъ мужа своей возлюбленной.

— А теперь ведите меня къ князю, обратился мститель къ присутствующимъ, бросая въ сторону револьверъ.

Выслушавъ отъ свидѣтелей разсказъ о происшедшемъ, князь, обратясь къ Нико Мартиновичу произнесъ суровымъ голосомъ:

— Когда странѣ угрожаетъ опасность, когда для чести и счастья родины нужна жизнь ея сыновъ, тогда личное горе, какъ бы оно ни было тяжело, предается забвенію во имя общаго дѣла и жизнь черногорца всецѣло принадлежитъ его отечеству. Ты черногорецъ и долженъ это знать, но ты забылъ объ этомъ!!.. Ты виноватъ и будешь наказанъ.

Молча выслушалъ Нико справедливыя слова князя и, поцѣловавъ край его гунины, тихо проговорилъ:

— Я виноватъ, господарь!

Нико Мартиновича отправили въ Цетинье для заключенія въ казематъ.

*) Опредѣленное число черногорцевъ съ каждаго баталіона.

**) Провіантъ.

Сангвиникъ по темпераменту, вспыльчивый и самолюбивый, черногорецъ грудью стоитъ за свою семейную честь и, какъ глава домашняго очага, въ отношеніи жены, и, какъ братъ, въ отношеніи сестеръ.

«Да о простите то моя жена!» *) скажетъ черногорецъ, пришедшему къ нему въ гости иностранцу, указывая ему на жену.

Но было бы ошибочно думать, что въ этомъ странномъ извиненіи заключается смыслъ неловкости передъ необходимостью знакомить гостя съ подвластной рабой, нѣтъ, въ этомъ случаѣ, жена является скорѣе олицетвореніемъ интимныхъ отношеній человѣка, готоваго вытерпѣть жестокія, физическія страданія (напр. при осмотрѣ и перевязкѣ ранъ), изъ-за того только, чтобы скрыть свою наготу. Это общая черта сербскаго народа, въ высокой степени развитая въ черногорцахъ.

Съ другой стороны, черногорка, неся всю тяжесть работъ домашняго обихода, далеко не смотритъ на себя, какъ на безотвѣтную слугу мужа: «Если мы имъ носимъ хлѣбъ, мы хотимъ видѣть отъ нихъ геройство!» сказала мнѣ однажды черногорка, лихорадочно слѣдя за направленіемъ линіи ружейнаго дыма, во время сраженія у Преснки.

Въ семьѣ, у дымнаго костра, окруженный дѣтьми, черногорецъ дѣлитъ съ женою все: воспоминанія о минувшихъ опасностяхъ, радость и горе. Онъ строитъ съ нею вмѣстѣ планы насчетъ будущихъ заработковъ и улучшеній по хозяйству. Жена для черногорца—это единственный мирный уголокъ среди его боевой, тревожной жизни.

Въ постоянныхъ невзгодахъ, въ чрезмѣрныхъ трудахъ для добыванія насущнаго хлѣба, среди лишеній, облекающихъ существованіе черногорца въ грубую, прозаическую оболочку нужды—взаимныя отношенія братьевъ и сестеръ являются свѣтлой, поэтической стороной въ жизни этого народа.

«То моя сестра», говоритъ черногорецъ съ гордостью указывая на сестру и никто изъ окружающихъ не посмѣетъ оскорбить нескромнымъ взглядомъ дѣвственную чистоту черногорской спартанки. Сестра для черногорца—преданный другъ во всемъ: надежная охрана отъ голода, въ походѣ; самоотверженная, глубоко любящая сестра милосердія на полѣ битвы, возлѣ раненаго. Какъ серна, несется по скаламъ молодая черногорка, спѣша доставить брату хлѣбъ. Съ отвагою бросается къ нему, раненому, въ разгарѣ битвы, заботясь вмѣстѣ съ «дружствомъ» **) отправить пострадавшаго въ безопасное мѣсто.

— Юнакъ убитъ!.. блестящіе глаза ея дико смотрятъ въ одну точку, сухія губы медленно шепчутъ: брате мой, родне...

Но вотъ проблескъ сознанія воскресилъ въ ея памяти ужасную дѣйствительность: нервно передергиваются мышцы лица ея, неудержимымъ потокомъ льются жгучія слезы о незамѣнимой утратѣ... Нѣтъ для нея такого горя, которое, можно бы сравнить съ этимъ горемъ!

У герцеговинцевъ, болѣе мягкихъ и глубокихъ по натурѣ, нежели черногорцы, характеръ этихъ отношеній еще привлекательнѣе.

Въ селѣ Загрода, во время прохода Сулеймана по Бѣлопавличу, между бѣжавшими изъ погорѣлыхъ деревень, я встрѣтилъ маленькую группу герцеговинцевъ, пріютившихся въ широкой разсѣлинѣ скалы. Легкій навѣсъ изъ двухъ сшитыхъ вмѣстѣ гунинъ, прикрѣпленныхъ къ 4 жердямъ, составлялъ нѣкоторую защиту отъ палящихъ, солнечныхъ лучей молодой дѣвушкѣ, лежавшей подъ нимъ на свѣжихъ листьяхъ. Ей было лѣтъ 15. Блѣдная, прозрачная кожа лица ея, съ тонкими правильными чертами, горѣла лихорадочнымъ румянцемъ—предвѣстникомъ близкой агоніи. Большіе голубые глаза дѣвушки съ безпредѣльной любовью останавливались поочередно на каждомъ изъ трехъ братьевъ, сидѣвшихъ возлѣ нея. Смуглыя, исхудалыя лица ихъ, покрытыя во многихъ мѣстахъ шрамами, выражали въ эту минуту тяжелую затаенную скорбь.

— Мы отдадимъ за тебя жизнь, будемъ твоими рабами, спаси только сестру... говорили они мнѣ...

Но помочь нельзя было...она страдала чахоткой.

Эта трогательная и грустная картина глубокой любви на краю могилы невольно примиряетъ душу съ грубыми, подъ часъ дикими проявленіями въ народѣ, развившимися въ силу общихъ, историческихъ условій страны.

*) Извините, это моя жена.

**) См. вып. I.

Торжественный обѣдъ.

Разсказъ **Гренвиля Муррея**. Пер **Н. П. Ч—ко.**

I.

Еслибы я говорилъ, что мы надѣялись освѣтить весь Парижъ пламенемъ того плумъ-пуддинга, который мы готовили въ честь нашего англійскаго гостя Джона Брокеншайра, то я долженъ бы былъ избрать одинъ изъ тѣхъ родовъ повѣствованія, которые приличнѣе стихамъ, чѣмъ прозѣ. Но Ноэми, дѣти и я рѣшили, что пуддингъ уже достаточно облитъ ромомъ для того, чтобы напомнить нашему англійскому другу Рождество на его родномъ островѣ. Ноэми два дня придумывала разныя кушанья, количество и странность которыхъ приводили нашъ французскій умъ въ изумленіе. Какъ хороша она была, стоя съ деревянной ложкой въ одной рукѣ, съ листомъ бумаги въ другой, спрашивая себя, не забыла-ли еще чего-нибудь. Мы оба были того мнѣнія, что любимое кушанье Джона Брокеншайра и его соотечественниковъ было выдумано какимъ-нибудь бакалейщикомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, желавшимъ избавиться отъ разнаго рода товара и вмѣстѣ съ тѣмъ угодить своимъ друзьямъ доктору и аптекарю.

Но пуддингомъ далеко не ограничивались всѣ наши приготовленія; я обшарилъ всѣ книги, въ которыхъ говорится объ англійскихъ обычаяхъ, и нашелъ, что Джонъ Брокеншайръ долженъ чувствовать себя неловко, пока мы всѣ не поцѣлуемъ его подъ омелой и не позволимъ и ему сдѣлать тоже съ нами. И такъ омела была повѣшена на крюкъ, вбитый въ потолокъ. Затѣмъ буфетъ украсился шестью бутылками англійскаго эля, двумя бутылками опорто, но не такими, которыя берутъ щипцами изъ-за грязи и паутины, покрывающихъ ихъ, и еще тремя, происходящими изъ нашихъ національныхъ виноградниковъ Шампаньи.

Между тѣмъ запахъ супа и жаркого доносился изъ маленькой кухни, гдѣ Ноэми имѣла именно столько мѣста, чтобы двигаться, между румяными кастрюлями и бѣлыми блюдами, съ засученными рукавами и со щеками, пылающими отъ жара ея очага. Дѣти—Викторъ и Луизетта сидѣли на стулѣ и старались быть чѣмъ-нибудь полезными. Викторъ чистилъ труфеля, Луизетта вырѣзала бумажную бахрому, которая должна была украшать кость ветчины. Вблизи, на горячей плитѣ, лежалъ на противнѣ гусь, жалобно шипя въ своемъ собственномъ соку, пока его не положили на мягкую постель изъ яблочнаго соуса. Отъ времени до времени посматривая на послѣднюю судьбу гуся, я думалъ, не можетъ-ли его земное странствованіе быть описано словами моего брата, поэта Горація: ab ovo usque ad mala? Но извините...

Ноэми Лебланъ не была моей женою и я не былъ ни дядей и ни дѣдомъ ея дѣтей. Мы часто видались потому, что жили на пятомъ этажѣ одного изъ тѣхъ высокихъ домовъ Парижа, крыши которыхъ, кажется, достигаютъ до неба, когда погода пасмурная, и бросаютъ тѣнь поперегъ улицъ, когда свѣтитъ солнце. Нижній этажъ нашего дома былъ занятъ типографіей, въ которой Ноэми держала корректуру двухъ газетъ: одной республиканской и другой роялистской, помѣщающихся подъ одной кровлей, хотя ихъ принципы походили другъ на друга, какъ огонь на воду. Работа ея продолжалась двѣнадцать часовъ въ день и, пока она поправляла статьи, долженствовавшія научить нашихъ соотечественниковъ принципамъ, почерпнутымъ изъ плодотворнаго ряда революцій, я, занимаясь въ своей комнатѣ, присматривалъ за ея дѣтьми. Моя дверь оставалась открытой, чтобы они могли бѣгать по площадкѣ изъ ихъ квартиры въ мою. Что у нихъ были за игры! Любимой забавой ихъ было воровство глины изъ сосѣдней скульпторной мастерской и дѣланіе изъ нея взрывчатыхъ блиновъ. Сдѣлавъ изъ глины плоскую лепешку, они пальцемъ протыкали по серединѣ маленькую дырку и со всего размаха бросали блинъ на полъ. Внезапное сжатіе воздуха въ дыркѣ, производило взрывъ съ шумомъ, похожимъ на взрывъ газометра. Это была прелестная игра!

Виктору было семь, а Луизеттѣ шесть лѣтъ. Это были хорошія дѣти, въ печальныхъ обстоятельствахъ, но вѣчно веселые; онъ—умный мальчикъ, сильно преданный грабежу кусковъ дерева, валявшихся подлѣ лавки плотника, она—дѣвочка съ веселыми голубыми глазами, вся погруженная въ уловки своего пола добыть то, что ей хочется даже и тогда, когда къ тому не было никакихъ препятствій. Оба ходили въ приходскую школу каждое утро съ сумками, наполненными книгами и бутербродами и если моя дверь не была открыта, они стучали и звали меня сквозь замочную скважину. Возвращались они въ четыре часа и я думаю, что для меня это былъ самый пріятный часъ дня, не смотря на то, что они возвѣщали о своемъ приходѣ ужаснымъ топаньемъ своихъ маленькихъ сапогъ о деревянную лѣстницу, которую concierge съ такимъ трудомъ натиралъ два раза въ недѣлю. Отъ четырехъ до семи, когда возвращалась ихъ мать, всегда нѣсколько утомленная своей корректурной работой и принималась готовить ужинъ, дѣти оставались у меня. Много разъ разсѣивали они мое поэтическое вдохновеніе, или игрою въ прятки за своею кроватью, или какими-нибудь другими шалостями, и мѣшали мнѣ погружаться въ тяжелый трудъ отыскиванія риемъ, часто столь же удачный, какъ ловля жемчуга.

Я сказалъ вамъ, что я поэтъ. Я писалъ стихи, которые много читались и цѣнились здравомыслящими людьми. Но, въ противоположность моему соотечественнику Виктору Гюго, я воспѣваю человѣческую индустрію, а не природу, которая и безъ меня имѣетъ много панегиристовъ. Я въ стихахъ восхвалялъ фирмы, имена которыхъ покрывали послѣднюю страницу газетъ; я особенно отличался превосходнымъ описаніемъ предметовъ, на которые желали обратить особенное вниманіе женщинъ. Я сочинялъ сонеты о чепчикахъ, но еще никогда не воспѣвалъ ни пилюль, ни припарокъ. Одною изъ самыхъ удачныхъ вещей, вышедшихъ изъ подъ моего пера, была эпиграмма въ четыре строки, которая досталась парикмахеру, имѣвшему тщеславіе выдать ее за свою собственную и, благодаря ей, продавшему всѣ свои помадныя банки. Но для меня важнѣе всего было то, что, получая немного болѣе того, сколько требовалось на мои скромныя потребности, я могъ помогать моей сосѣдкѣ Ноэми воспитывать ея дѣтей, ея же скудный заработокъ значительно сокращался суммами, посылаемыми ею каждый мѣсяцъ ея отсутствующему мужу.

Гдѣ же былъ этотъ мужъ? не бросилъ-ли ее?

Не уѣхалъ-ли, какъ это дѣлаютъ многіе мужья, съ надеждой нажить богатство и потомъ возвращаются съ пустыми карманами и живутъ на жалованье своихъ женъ? Нѣтъ, Жюль Лебланъ былъ политическій ссыльный въ Новой Каледоніи.

Онъ былъ замѣшанъ въ комунѣ и приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ, хотя я не зналъ человѣка болѣе мягкаго и менѣе склоннаго къ ниспроверженію, какихъ бы то ни было, существующихъ основъ. Нечего было и говорить съ нимъ о хартіяхъ, баррикадахъ, конституціяхъ, онъ ничего не понималъ въ нихъ и сознавался въ этомъ. Но Жюль былъ юмористъ; природа надѣлила его даромъ каррикатуриста и онъ пользовался имъ, ради шутки, надѣляя министра обезьяннымъ хвостомъ или кардинала ослиными ушами. Онъ полагалъ, что только смѣшитъ публику, когда, оставшись въ Парижѣ во время гражданской войны, началъ издавать газету, появляющуюся два раза въ недѣлю съ раскрашенной картинкой, изображающей одного изъ генераловъ или чиновниковъ Версаля. Дѣйствительно шутка! но когда генералы захватили его въ свои руки, они показали, что это было далеко не смѣшно. Его предполагалось растрѣлять; но, благодаря Ноэми валявшейся въ ногахъ одного изъ вліятельныхъ лицъ, этотъ приговоръ былъ измѣненъ на ссылку. Мы были обязаны довольствоваться и этимъ. Въ одинъ утомительный, жаркій, лѣтній день, Ноэми отправилась въ Тулонъ съ двумя дѣтьми (однимъ еще неумѣвшимъ ходить и другимъ не достигшимъ и двухъ лѣтъ), чтобы увидѣть Жюля въ послѣдній разъ, передъ его отправкой на колодническомъ кораблѣ. Я точно снова переживаю этотъ день. Солнце жарко палило и улица Тулона была полна народомъ. Жюль прошелъ по направленію къ порту, среди большой толпы, въ кандалахъ, охраняемый солдатами съ заряженными ружьями. Ноэми могла только издали, помахать ему платкомъ. Онъ отвѣтилъ, пославъ ей своими скованными руками два поцѣлуя, и улыбнулся, точно просилъ ее быть бодрѣе для дѣтей. Ноэми, внѣ себя, сдѣлала новое усиліе, чтобы подойти къ нему, но была окружена толпой другихъ женъ и матерей, также рыдавшихъ, и полицейскіе вернули ихъ назадъ. И такъ Жюль скрылся, вступивъ па судно, приготовленное для ужаснаго, бѣдственнаго перевоза, на которое онъ былъ засаженъ на четыре мѣсяца вмѣстѣ съ ворами и мошенниками, а также и такими невинными, какъ и онъ.

Англичанинъ, Джонъ Брокеншайръ, пріѣхалъ въ Тулонъ для снабженія этого самаго корабля мясными консервами. Онъ стоялъ подлѣ Ноэми, когда она упала въ обморокъ. Онъ схватилъ ее на руки, отнесъ въ ближайшій винный погребокъ и, когда она очнулась, поклялся, что съ этихъ поръ, одною изъ цѣлей его жизни будетъ добыть прощеніе Жюлю Лебланъ.

Джонъ Брокеншайръ былъ высокъ и сухощавъ, съ холодными голубыми глазами, которые отвращали отъ него всѣхъ нуждающихся. Онъ никогда не отдавался чувству, какъ то дѣлаемъ мы, французы; рѣдко давалъ обѣщанія, а если давалъ, то исполнялъ ихъ. Клятву свою онъ тоже сдержалъ, хотя мы на это и не разсчитывали, зная, что она сорвалась у него съ языка подъ вліяніемъ состраданія, которое могло скоро пройдти.

Но увы! комерсантъ-путешественникъ можетъ сдѣлать немногое, обладай онъ и энергіей Джона Брокеншайра. Нашъ англичанинъ, однако, добился одного—онъ доставлялъ Ноэми извѣстія о Жюлѣ, а Жюлю письма и посылки Ноэми. Я никогда не знавалъ человѣка, подобнаго ему. Вѣчно въ движеніи, имѣя всюду дѣловыя связи и не боясь скомпрометировать себя, потому что наши французскіе законы его не касались. Джонъ Брокеншайръ легко нашелъ возможность, передавать письма къ каторжникамъ и обратно. Онъ воображалъ, что легко добьется прощенія, стоитъ только потянуть за надлежащую проволоку; но онъ ошибся. Или проволока заржавѣла, или онъ взялся не за надлежащую. Наше правительство не такъ легко разстается съ людьми, мнѣній которыхъ оно боится. Эта неудача сильно раздосадовала англичанина; но онъ никогда не отчаявался и не допускалъ и насъ до отчаянія; и мы знали, что гдѣ бы онъ ни былъ и что бы ни дѣлалъ, но постоянно думалъ о Жюлѣ Лебланъ. Закупая вино въ Бордо, онъ непремѣнно упоминалъ объ изгнанникѣ за пробами образцовъ; онъ возбуждалъ симпатію къ нему въ вліятельныхъ шелковыхъ фабрикантахъ, въ вывозителяхъ британской стали, въ маклерахъ и торговцахъ индиго. Онъ живо принималъ къ сердцу всѣ подробности дѣла бѣднаго каррикатуриста, говорилъ о немъ литераторамъ и политическимъ дѣятелямъ, которыхъ встрѣчалъ во время своихъ путешествій и такимъ образомъ съ каждымъ днемъ увеличивался кругъ людей, что-нибудь знающихъ о Жюлѣ Лёбланъ и жалѣющихъ его.

Вотъ такъ-то и сдѣлался Джонъ Брокеншайръ нашимъ лучшимъ другомъ. Вотъ почему каждое Рождество съ того года, какъ Ноэми овдовѣла по декрету военнаго суда, онъ былъ главнымъ гостемъ банкета, который мы приготовляли изъ его любимыхъ блюдъ и приправляли искренней французской любезностью. Вотъ почему мы жда ли его съ нашимъ гусемъ, омелой и обычными пожеланіями и вотъ почему я хочу описать, какъ прошло послѣднее Рождество.

II.

«Les voici! вотъ и они!» воскликнулъ маленькій Викторъ, хлопая въ ладоши, когда послышались шаги нашего перваго гостя на лѣстницѣ. Луизетта, наряженная въ шотландское шерстяное платье съ національнымъ же поясомъ, спряталась за платье своей матери.

Было шесть часовъ. Комната была убрана, столъ накрытъ и Ноэми, стояла готовая принимать своихъ гостей у весело трещавшаго огня. Какая она была хорошенькая! Какъ она была мило грустна и прелестна въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ и кружевномъ чепчикѣ, покрывавшемъ ея густые, глянцовитые волосы! Ей было всего 27 лѣтъ и горе не состарѣло ее, но только придало голубымъ глазамъ ея особенный блескъ, а манерамъ нѣкоторое спокойствіе. Ради дѣтей, которые не могли помнить отца, она старалась быть постоянно веселой, заставляла себя смѣяться въ ихъ присутствіи, чтобы не навѣять на ихъ юныя сердца меланхоліи, которая съ возрастомъ могла превратиться въ угрюмость. Только знавшіе Ноэми такъ хорошо, какъ я, угадывали, какъ ея сердце болѣло отъ постоянно разрушаемой надежды. Какъ могла она такъ акуратно заниматься своими корректурами, никогда не пропуская ни одной запятой и ни одной грамматической ошибки—было для меня тайной. Гротело, завѣдывающій дѣлами типографіи и Барбеларъ, соредакторъ одной изъ двухъ газетъ, въ которой работала Ноэми, удивлялись не менѣе меня; они наконецъ рѣшили, что г жа Лебланъ была женщина-философъ и полагала, что слезы только портятъ глаза. Они и ихъ жены должны были быть нашими гостями въ этотъ вечеръ. По тому одушевленному виду, съ какимъ они вошли, вдыхая въ себя аппетитный запахъ нашего гуся и весело смотря на бутылки, было очевидно, что они не думали, что попали въ жилище скорби.

Гротело, Барбеларъ, ихъ жены и Джонъ Брокеншайръ—вотъ кампанія, которую мы ожидали: если включить Ноэми, дѣтей и меня, выйдетъ число Музъ. Но ни Гротело, ни Барбеларъ, ни ихъ жены не напоминали ни одну изъ Музъ. Факторъ типографіи, былъ малый нѣсколько мрачный, съ ѣдкой улыбкой и марсельскимъ акцентомъ. Кромѣ своей спеціальности, образованіе его представляло странную смѣсь: онъ былъ возбужденъ противъ всѣхъ писателей, которые, по его мнѣнію, не соразмѣряли своихъ статей съ количествомъ мѣста въ газетѣ. До слога и логики ему не было дѣла. «Дайте мнѣ только, что удобно помѣщать», говаривалъ онъ; всегдашняя его оцѣнка достоинства статей, была слѣдующая: «Займетъ она болѣе или менѣе одного столбца съ четвертью?» Если займетъ болѣе, то писатель, по его мнѣнію, невоздержанный болтунъ; если же менѣе, то ему недостаетъ эластичности слога. Гротело очень уважалъ поэтовъ, потому что стихи легко набираются, и конечно пальму первенства отдавалъ тѣмъ, которые не писали александрійскими стихами. Онъ часто говорилъ мнѣ, что предпочитаетъ мои оды самымъ лучшимъ идилліямъ Франсуа Коппе; я былъ очень польщенъ комплиментомъ, пока не открылъ, что онъ былъ вызванъ моею любовью къ пяти-стопнымъ ямбамъ, но вовсе не относился къ сюжету моихъ стиховъ, которыхъ Гротело и не читалъ.

Помощникъ редактора, Барбеларъ, представлялъ другую литературную диковину: онъ даже не совсѣмъ свободно читалъ и не могъ правильно написать ни одного слова на своемъ родномъ языкѣ. Его взяли въ редакторы изъ-за его гигантскаго роста и умѣнья обращаться, со всякаго рода оружіемъ. Старый сержантъ наполеоновской гвардіи, онъ получилъ орденъ, за убійство двухъ плѣнныхъ австрійскихъ полковниковъ, во время итальянской войны. Барбеларъ, былъ шести футовъ роста, носилъ щетинистые рыжіе усы, которые точно пылали въ огнѣ, когда онъ сердился. Онъ принялъ на себя отвѣтственность за всѣ неподписанныя статьи въ газетѣ и если кто-нибудь приходилъ въ редакцію требовать объясненія насчетъ оскорбленія личности, внушительный помощникъ редактора былъ готовъ отвѣчать ему по всѣмъ правиламъ рыцарства. Онъ не признавалъ ни извиненій, ни объясненій; но сейчасъ же предлагалъ дуэль на слѣдующее утро на шпагахъ, пистолетахъ, какъ будетъ угодно обиженному. Это часто приводило къ слѣдующимъ сценамъ.

Посѣтитель (*съ яростью комкая обидѣвшую его газету*). Милостивый государь, я желаю видѣть человѣка, написавшаго эту статью.

Барбеларъ (*съ достоинствомъ поднимаясь съ своего мѣста, держа трубку въ зубахъ*). Молодой человѣкъ, я написалъ эту статью. Если вамъ угодно возражать, пришлите вашихъ друзей и мы все покончимъ завтра, на разсвѣтѣ.

Посѣтитель (*дѣлаясь учтивѣе*). О! нѣтъ... Я только пришелъ, чтобы возобновить мою подписку... Что за теплый день сегодня... Добраго утра... (*и скрывается*).

Иногда случались и дуэли и тогда Барбеларъ выказывалъ все свое великодушіе, нанося только легкія раны, совершенно сходныя съ укусами мухъ, какъ онъ выражался, выдвигая оружіе не на 12 дюймовъ или вырывая кусочекъ мяса изъ икры противника. Барбеларъ имѣлъ около двѣнадцати дуэлей; но польза его для газеты этимъ не ограничивалась. На немъ еще лежала обязанность появляться въ судъ для отвѣта за всѣ нападки на правительство и онъ же высиживалъ въ С.-Пелажи положенный судомъ срокъ. Онъ дошелъ до того, что считалъ тюрьму С.-Пелажи своимъ вторымъ домомъ и ни мало не огорчался, когда ему приходилось отправляться туда на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что онъ тогда получалъ двойной окладъ жалованья, право на безграничное пользованіе табакомъ и прекрасный столъ, доставляемый ему изъ сосѣдняго ресторана тоже на счетъ редакціи. Madame Барбеларъ, маленькая брюнетка съ деспотическими глазками, всегда говорила, что она гораздо болѣе была рада видѣть своего мужа въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ, такъ какъ она знала, что тогда онъ былъ въ

безопасности, не рисковалъ своею жизнью въ смертельныхъ поединкахъ и не пилъ слишкомъ много абсенту въ кафе. Тюремная жизнь была спасеніемъ: жена могла сидѣть каждый день съ мужемъ отъ десяти часовъ утра до шести вечера, обѣдать съ нимъ и откладывать деньги, которыя бы вышли на обѣдъ и топливо.

Случилось, что въ описываемое мною Рождество Барбеларъ имѣлъ одинъ изъ промежутковъ свободы и первымъ его замѣчаніемъ послѣ обычныхъ привѣтствій было, что онъ завтра же отправляется снова въ С.-Пелажи: «три мѣсяца тюрьмы за непочтительный отзывъ о сенатѣ», пробасилъ онъ, бросая косой взглядъ на буфетъ и бутылки.

— Да, на цѣлыхъ три мѣсяца, воскликнула маленькая г-жа Барбеларъ радостно. У меня была нѣкоторая надежда, что его засадятъ на шесть и тогда мы могли бы купить ту маленькую виллу въ Сюренѣ, о которой я не перестаю мечтать.

— Мы это наверстаемъ, моя дорогая, прихвативъ три мѣсяца лѣтомъ, если все пойдетъ хорошо, сказалъ добродушно Барбеларъ; слишкомъ долго сидѣть въ заперти не хорошо; пріятно отъ времени до времени выйдти и подышать чистымъ воздухомъ.

— Совершенно вѣрно, и тогда пригоршни денегъ посыплются на биліардъ и на попойки съ вашими друзьями! отвѣчала г-жа Барбеларъ колко. Подумайте о томъ, какія бы великолѣпныя вещи мы могли сдѣлать, если бы вы посидѣли въ тюрьмѣ цѣлый годъ.

— Я удивляюсь, отчего это никогда не сажаютъ въ тюрьму и факторовъ типографій, замѣтила г-жа Гратело жалобно. Это была плотная, очень экономная женщина, уроженка Альзаса; говорила она тѣмъ акцентомъ, который заставлялъ насъ, французовъ, такъ много смѣяться, пока наши прекрасныя рейнскія провинціи не отошли къ пруссакамъ. «Lieber Himmel!» продолжала она, чего бы я не дала, чтобы увидать Сезостриса въ тюрьмѣ на годъ; по крайней мѣрѣ, я бы сберегла тогда хотя немного денегъ.

Сезострисъ былъ никто другой, какъ Гратело.

— Помягче, мама Гредель, отвѣчалъ онъ, смѣясь, если бы меня посадили въ тюрьму, ты бы ничего не сберегла, потому что я бы долженъ былъ идти туда на свой собственный счетъ. Хорошія времена, когда сажали въ тюрьму типографщиковъ, ушли вмѣстѣ съ имперіей.

— Въ такомъ случаѣ я бы желала, чтобы имперія вернулась, объявила г-жа Гратело. — Всѣ должны имѣть равныя привилегіи: если помощникъ редактора идетъ въ тюрьму, то долженъ идти и типографщикъ.

При этихъ словахъ г-жа Барбеларъ вся вспыхнула; она была ревностной защитницей правъ своего мужа.

— Но вы забываете, сударыня, что помощникъ редактора подвергается и большимъ опасностямъ, такъ какъ по временамъ приходится вынимать шпагу, замѣтила она нѣсколько ядовито.

— Конечно, и Сезострисъ тоже бы дрался, еслибъ было нужно, возразила альзаска; я только утверждаю, что нахожу несправедливымъ, когда всѣ удовольствія выпадаютъ на долю однихъ, хотя въ тюрьмѣ довольно комнатъ и для другихъ, если бы только правительство рѣшилось составить лучшіе законы.

Ноэми постаралась замять этотъ щекотливый споръ. Она была склонна разыгрывать роль миротворца. Я видалъ еще прежде, до ссылки ея мужа, какъ она примиряла художниковъ, спорящихъ объ эстетикѣ, тѣмъ, что ставила передъ ними кувшинъ пива. Она сдѣлала нѣчто подобное и теперь, подавъ подносъ съ рюмками водки и ликера для возбужденія нашего апетита. Это питье смягчило языки. И мы мирно дожидались Джона Брокеншайра. Дѣти взобрались на высокія колѣни Барбелара и вообразили, что ѣдутъ верхомъ. Обѣ дамы, внезапно пораженныя мыслью о неловкости превознесенія прелестей заключенія при Ноэми, столь огорченной арестомъ своего мужа, принялись болтать съ своей хозяйкой о дѣтяхъ и нарядахъ. Гратело, съ восхищеніемъ вдыхая вкусный ароматъ, доносившійся къ намъ изъ кухни, усѣлся у камина и говорилъ со мною о моихъ удобныхъ и короткихъ стихахъ. Онъ особенно восхищался моимъ послѣднимъ сонетомъ, воспѣвающимъ ново-изобрѣтенные ботфорты.

На колокольнѣ сосѣдней церкви пробило половину седьмого. Это былъ часъ, когда долженъ былъ придти Джонъ Брокеншайръ; онъ никогда не опаздывалъ, такъ какъ каждое свое движеніе регулировалъ хронометромъ, показывающимъ дни, недѣли, мѣсяцы и даже перемѣны луны. Дѣти навострили уши. «Другъ Брокеншайръ» былъ для нихъ живымъ воплощеніемъ Père Noël'я: онъ никогда не приходилъ безъ свертковъ съ игрушками въ рукахъ и безъ мѣшковъ съ леденцами въ карманахъ. Неужели онъ опоздаетъ въ этомъ году, въ первый разъ? Нѣтъ, вотъ и послышались его, хорошо намъ знакомые шаги на лѣстницѣ.

— Le voici! вскричали маленькій Викторъ и его сестра, вскочивъ съ колѣнъ Барбелара и съ громкимъ крикомъ побѣжавъ ему навстрѣчу. Еще минута и Джонъ Брокеншайръ съ своими пакетами, стоялъ подъ омелой для объятій и поцѣлуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Аналогіи въ жизни растеній и животныхъ.

(Ст. Л. М. Невольскаго.)

(Окончаніе.)

азсмотримъ теперь потребности животной жизни и затѣмъ сравнимъ, какъ удовлетворяются эти же потребности въ жизни растительной. Мы уже сказали, что движенія нужны животному для различныхъ цѣлей: животное должно отыскивать пищу, убѣгать отъ опасности, находить себѣ пару; точно также для открытія приближающагося врага или для нахожденія пищи ему необходима острота органовъ чувствъ. Очевидно, что для организма, живущаго среди измѣнчивыхъ условій быта, необходима впечатлительность къ перемѣнамъ окружающей его обстановки или способность воспринятія перемѣнъ, ничего незначущихъ, какъ физическіе факторы. Муха, живущая въ одной комнатѣ съ рѣзвымъ ребенкомъ, посягающимъ на ея жизнь, относительно безопасности своего существованія въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ изощренія своей дѣятельности, съ какою она слѣдитъ за приближающеюся къ ней тѣнью головы или руки ребенка. Измѣненія, обусловливаемыя этою тѣнью въ системѣ сил вселенной, не поддаются никакому измѣренію, но тѣмъ не менѣе они сильно вліяютъ на организмъ мухи, такъ какъ ея нервная система обладаетъ способностью усиливанія внѣшнихъ воспріятій, такъ что ничтожныя, повидимому, причины ведутъ къ ощутительнымъ послѣдствіямъ, вродѣ того, какъ незначительная сила, употребленная для спуска курка пистолета, совершенно ничтожна по сравненію съ силою вызваннаго ею выстрѣла.

Другая способность, присущая организму — способность нервовъ передавать впечатлѣнія отъ одной части организма къ другой. Разсмотримъ эту способность у растеній.

Листъ росянки (Drosera rotundifolia) состоитъ изъ вогнутаго щитка, покрытаго короткими желѣзками и окруженнаго торчащими рѣсничками, которыя, въ свою очередь, также заканчиваются желѣзками. Эти желѣзки выдѣляютъ липкій сокъ, который каплями виситъ на нихъ, такъ что листья растенія кажутся покрытыми росой, откуда и произошло самое названіе росянки. Самая жидкость точно также переваривaетъ пищу, какъ и желудочный сокъ, съ которымъ она вполнѣ аналогична: она кисла и, сверхъ того, содержитъ вещество, аналогичное съ пепсиномъ. Насѣкомое, попавшее на листокъ росянки, вязнетъ въ этомъ соку, а затѣмъ схватывается еще волосками, которые обладаютъ способностью движенія. Наружныя подвижныя рѣснички загибаются внутрь, не разбирая, упало-ли насѣкомое на средину листового щитка или же коснулось только липкой желѣзы одной изъ рѣсничекъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда насѣкомое вязнетъ посрединѣ листка, а наружныя рѣснички нагибаются и схватываютъ жертву — мы имѣемъ дѣло съ настоящей передачей раздраженія, аналогичной съ передачей ощущеній вдоль нерва. Насѣкомое бьется въ сокѣ листка, пытаясь освободиться, и непремѣнно освободилось бы, если бы наружныя рѣснички не поспѣшили парализировать эти попытки. Сгибаніе рѣсничекъ вызывается не только насѣкомымъ или какимъ-нибудь другимъ постороннимъ предметомъ, попавшимъ на листокъ росянки, но даже простымъ прикосновеніемъ къ желѣзкѣ или верхушкѣ рѣснички. Насѣкомое, коснувшееся рѣснички, безъ сомнѣнія, избѣжало бы гибели, если бы оно не было перенесено на средину листка, гдѣ его придерживаютъ такія же липкія желѣзки. И здѣсь роль движеній весьма понятна. Верхушечная желѣзка рѣснички, раздраженная прикосновеніемъ насѣкомаго, передаетъ вѣсть объ этомъ до сгибающейся части рѣснички, совершенно подобно тому, какъ ощущенія отъ нашей кожи, по нервной ткани, передаются мускуламъ. И такъ, въ послѣднемъ случаѣ, рѣсничка переноситъ пойманное ею насѣкомое на самую средину листка; но когда плѣнникъ самъ попадетъ на листовой щитокъ, но не въ самую его средину, тогда извѣщеніе точно опредѣляетъ положеніе узника и сосѣднія рѣснички, съ замѣчательною точностью направляются къ той точкѣ листка, гдѣ нужно ихъ содѣйствіе.

Изслѣдуя самое движеніе листа и распространеніе возбужденнаго состоянія отъ соприкосновенія волосковъ съ другими, Дарвинъ могъ убѣдиться, что возбужденіе передается не волокнососудистою системою, а паренхиматозною тканью; сверхъ того, онъ видѣлъ явленія, имѣющія положительно характеръ рефлекторныхъ.

Если на наружной рѣсничкѣ помѣстимъ кусочекъ мяса, то желѣзка выдѣляетъ кислый сокъ, а если мясо положить посрединѣ листка, то рѣснички, какъ сказано было, сгибаются до соприкосновенія съ мясомъ. Если, затѣмъ, изслѣдуемъ лакмусовый бумажкой сокъ, выдѣляемый желѣзками рѣсничекъ прежде, чѣмъ послѣднія коснутся лежащаго посрединѣ листка мяса, то убѣдимся въ кислой реакціи сока, изъ чего слѣдуетъ заключить, что извѣщеніе о полученномъ раздраженіи послано листкомъ не только къ частямъ, двигающимъ рѣснички, но даже къ выдѣляющимъ сокъ клѣткамъ желѣзокъ. Аналогичное явленіе можно наблюдать на отправленіяхъ слюнныхъ желѣзъ человѣка. Кромѣ естественныхъ отправленій при процесѣ пережевываніи пищи, дѣятельность ихъ возбуждается также прямымъ подражаніемъ акту жеванія. Въ послѣднемъ случаѣ, слюна изливается въ полость рта, хотя въ немъ и нѣтъ никакой пищи, подобно тому, какъ желѣзки росянки выдѣляютъ жидкость во время движенія рѣсничекъ еще до того, какъ онѣ имѣютъ предметъ для переваривaнія.

При дальнѣйшемъ ходѣ опытовъ оказывается, что эти желѣзки начинаютъ свои отправленія въ равной мѣрѣ и тогда, если вмѣсто насѣкомаго

РИСУНОКЪ МАСЛОВСКАГО.

Маленькіе похитители.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ РИСКЕВИЧА.

Загонъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

или куска мяса мы положимъ кусочекъ какого бы то ни было предмета. Воспріимчивость ихъ до того остра, что кусочекъ человѣческаго волоса около $^{1}/_{100}$ дюйма длины и вѣсомъ въ $^{1}/_{80000}$ грана обусловливаетъ весьма явственное движеніе рѣсничекъ; это еще покажется болѣе удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что кусочекъ волоса поддерживается каплей липкаго сока желѣзки, такъ что безъ натяжки можно сказать, что желѣзка можетъ оцѣнить тяжесть въ 0,000001 грана. Въ этой феноменальной чувствительности, кажется, скорѣе можно заподозрить участіе чувства обонянія, чѣмъ осязанія, ибо самый нѣжный нашъ органъ осязанія—языкъ ни въ какомъ случаѣ не явился бы такимъ тонкимъ оцѣнщикомъ.

Но еще удивительнѣе способность росянки оцѣнивать присутствіе аміака. Сгибаніе рѣсничекъ (почти на 180°) вызываетъ растворъ фосфорокислаго амонія въ дистилированной водѣ, причемъ на одну часть этой соли приходится около 2,000,000 частей воды, что, впрочемъ, можно было предвидѣть a priori, зная важную роль фосфорныхъ солей и азота въ химическомъ составѣ животныхъ организмовъ. Вспоминая результаты химическаго анализа потребляемой нами воды, можно лишь порадоваться, что природа одарила насъ чувствами не такими острыми и разборчивыми, какъ, напримѣръ, мы это сейчасъ видѣли у росянки.

Факты эти уже довольно поучительны, какъ примѣры простой впечатлительности; но не менѣе удивительна способность распознаванія различныхъ факторовъ, обусловливающихъ сгибаніе рѣсничекъ росянки. Такъ, на основаніи вышесказаннаго, можно бы было предполагать, что рѣснички, чувствующія прикосновеніе къ нимъ весьма малыхъ предметовъ, равнымъ образомъ будутъ сгибаться при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Единичное внезапное прикосновеніе, хотя бы довольно чувствительное по силѣ и достаточное для согнутія цѣлой рѣснички, вовсе не вызываетъ ея движенія. Обстоятельство это дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что во время вѣтра росинки испытываютъ безпрестанные толчки отъ окружающей растительности и потому для нашего растенія постоянное сгибаніе и разгибаніе рѣсничекъ было бы дѣломъ утомительнымъ и безцѣльнымъ. Рѣснички сгибаются лишь при болѣе продолжительномъ нажимѣ или же при быстро одно за другимъ слѣдующихъ соприкосновеніяхъ, что вполнѣ раціонально, такъ какъ насѣкомое, увязнувшее въ липкомъ выдѣленіи желѣзокъ, или оказываетъ впродолженіи извѣстнаго времени давленіе, или же пытается освободиться цѣлымъ рядомъ толчковъ.

У мухоловки (Dionaea muscipula), другого насѣкомояднаго растенія, спеціализація чувствительности прямо противуположна: на ея чувствительные органы осторожно можно положить довольно большой кусокъ волоса, не вызывая хватательныхъ движеній со стороны растенія; но нѣжное прикосновеніе, положимъ, шелковинкою къ волоскамъ растенія обусловливаетъ ихъ замыканіе (Ч. Дарвинъ. Насѣкомоядныя растенія). Мухоловка хватаетъ добычу подобно тому, какъ желѣзный капканъ схватываетъ лисицу, но не имѣетъ липкаго выдѣленія, придерживающаго насѣкомое до тѣхъ поръ, пока не сомкнутся рѣснички, какъ мы это видѣли у росянки. Мухоловка можетъ схватить насѣкомое только вслѣдствіе быстраго сгибанія листка при каждомъ самомъ незначительномъ соприкосновеніи, а слѣдовательно спеціализація чувствительности мухоловки вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ усовершенствованія способа схватыванія насѣкомыхъ.

Основываясь на рядѣ приведенныхъ фактовъ, можно съ полною основательностью утверждать, что существуетъ извѣстная аналогія между чувствительностью описанныхъ нами растеній и процесами нервной системы животныхъ, такъ какъ чувствительность листка въ жизни растенія играетъ туже роль, какая въ животной жизни выпадаетъ на долю извѣстныхъ частей нервнаго механизма.

Посмотримъ теперь, есть-ли у растеній что-либо похожее на память и привычку, присущія животнымъ, и для этого проанализируемъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ явленію сна у растеній, состоящаго въ томъ, что положеніе листьевъ днемъ и ночью разнятся между собою и всегда чередуются другъ съ другомъ. Стыдливая мимоза (Mimosa pudica,—не тронь меня) служитъ хорошимъ примѣромъ спящаго растенія. Листъ мимозы состоитъ изъ главнаго черешка и двухъ или болѣе второстепенныхъ, на которыхъ сидятъ попарно второстепенные листки. Сонъ растенія обнаруживается тѣмъ, что листки не расходятся плоско, какъ это бываетъ днемъ, но поднимаются кверху до соприкосновенія верхушками. Одновременно сближаются другъ къ другу второстепенные черешки и окончательно смыкаютъ сидящіе на нихъ ряды листковъ до взаимнаго ихъ соприкосновенія. Кромѣ того главный черешокъ втеченіи сутокъ періодически совершаетъ рядъ движеній, именно: пополудни внезапно наклоняется, вечеромъ и ночью подымается кверху и затѣмъ, подъ вліяніемъ дневного свѣта, опять начинаетъ нагибаться. Тоже повторяется на другія сутки и т. д. Говоря о снѣ растеній, мы должны отказаться отъ попытокъ найдти какое-либо сходство между сномъ растеній и животныхъ. Сонъ животнаго не необходимо зависитъ отъ чередованія свѣта и темноты, дня и ночи. Можно даже представить себѣ такое животное, которое, постоянно поддерживая равновѣсіе между процесами питанія и потерями организма, вовсе бы не нуждалось въ періодѣ отдыха. Сердце, пульсирующее безпрерывно, служитъ лучшимъ примѣромъ тому, что постоянная работа можетъ идти рядомъ съ постояннымъ же возмѣщеніемъ потерь. Гербертъ Спенсеръ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что коль скоро животныя, по причинѣ темноты, не могутъ вести ночью активной жизни, то всего выгоднѣе для нихъ предаться усиленной дѣятельности днемъ и пополнять потери тканей совершеннымъ отдыхомъ ночью. Но извѣстно также, что нѣкоторыя животныя спятъ днемъ и бодрствуютъ ночью. У растеній же мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, такъ какъ ихъ сонныя движенія не имѣютъ никакой связи съ отдыхомъ. По крайней мѣрѣ у мимозы одновременно съ складываніемъ листковъ на покой, главный черешокъ всю ночь не перестаетъ двигаться и работа его тѣмъ труднѣе, что, вслѣдствіе смыканія второстепенныхъ черешковъ, длина всего листка значительно увеличивается; кромѣ того этотъ черешокъ вмѣсто большей или меньшей нечувствительности, какую мы видимъ у животнаго во время сна, чувствуетъ ночью также хорошо, какъ и днемъ, и опускается внезапно при каждомъ къ нему прикосновеніи.

Между спящими животными и растеніями замѣчается единственное и то поверхностное лишь сходство: и тѣ, и другіе могутъ бредить во снѣ. «Я сидѣлъ спокойно въ теплицѣ, говоритъ Ф. Дарвинъ,—ожидая соотвѣтствующаго часа для начала наблюденій, какъ вдругъ я замѣтилъ, что листокъ мимозы внезапно нагнулся, какъ это бываетъ при прикосновеніи къ нему, и затѣмъ постепенно опять поднялся до первоначальнаго положенія. Слѣдовательно какіе-то внутренніе процесы производятъ на растенія такое же дѣйствіе, какое вызываются дѣйствительнымъ внѣшнимъ раздраженіемъ. Точно также собака въ сонномъ бреду лаетъ и шевелитъ лапами, точно она гонится за дѣйствительнымъ, а не во снѣ видѣннымъ зайцемъ.

Когда въ Норвегіи наступаетъ продолжительный полярный день, то и мимозы находятся въ такомъ же продолжительномъ бодрствованіи. Основываясь на этомъ, можно бы было ожидать подобныхъ же результатовъ, освѣщая растеніе искуственнымъ свѣтомъ, поддерживаемымъ произвольное время. Но опыты А. Декандоля, Пфефера и др. показали, что до принятія листьями неизмѣннаго положенія, все-таки впродолженіи нѣсколькихъ дней, помимо безпрерывнаго искуственнаго освѣщенія, наступаютъ періодически въ извѣстное время сонныя движенія: утромъ растеніе пробуждается въ соотвѣтствующее время, вечеромъ же засыпаетъ. Впрочемъ, эти движенія постепенно слабѣютъ, пока, наконецъ, не прекратятся, и тогда растеніе, по желанію, можно будить и усыплять, попеременно освѣщая его или же оставляя въ темнотѣ. Фактъ этотъ чрезвычайно интересенъ и, будучи сравниваемъ съ явленіями животной жизни, находитъ тамъ аналогію въ функціяхъ, зависящихъ отъ привычки. Слѣдующій случай, разсказанный пріятелемъ Ф. Дарвина, весьма часто повторяется со многими лицами. Съ извѣстнаго времени работая ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ, разсказчикъ вставалъ рано и очень регулярно пробуждался въ опредѣленное время. Въ праздники, выходя изъ дома, онъ въ обычный часъ безсознательно направлялся къ мѣсту занятій и дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока силой воли не заставилъ себя привыкнуть къ часамъ отдыха.

Отъ этихъ аналогичныхъ примѣровъ привычки перейдемъ въ весьма близкую область памяти. Д-ръ Карпентеръ (Mental Physiology, стр. 349) разсказываетъ про одного мальчика, который, вслѣдствіе поврежденія мозга, потерялъ способность рѣчи и пониманія. Но, помимо отсутствія умственныхъ способностей, мальчикъ обладалъ однако замѣчательною наклонностью къ порядку и регулярности. Однажды, въ 10 минутъ 12-го, ему обстригли волосы; съ этой поры, не имѣя никакого понятія о времени и о часахъ, мальчикъ ежедневно и пунктуально въ 10 минутъ 12-го являлся съ полотенцемъ, ножницами и гребенкой и уходилъ довольный лишь тогда, когда ему отрѣзывали клокъ волосъ. Трудно сказать, дѣйствительно-ли мальчикъ припоминалъ въ 10 минутъ 12-го о времени наступленія пріятной для него операціи, или же поступки его обусловливались какимъ-то безсознательнымъ стимуломъ, но, во всякомъ случаѣ, заподозримъ-ли мы здѣсь участіе памяти или привычки, это будетъ такое же сознаніе времени, такая же внутренняя хронометрія, по опредѣленію Карпентера, которую мы видѣли у мимозы. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли существуетъ какая-либо разница между привычкою и памятью: если, напр., кто-нибудь не заведетъ во время часовъ, то обыкновенно говоритъ, что забылъ сдѣлать это. Отсюда заключеніе, что память побуждаетъ своевременно завести часы; но насколько слабо здѣсь участіе памяти доказываетъ тотъ фактъ, что часто мы должны предварительно осмотрѣть часы, чтобы убѣдиться заведены-ли они.

Для провѣрки силы привычки Ф. Дарвинъ привязалъ одинъ конецъ нитки къ листку мимозы, другой же конецъ къ маятнику метронома; самое же растеніе помѣстилъ въ такомъ разстояніи отъ прибора, что оно получало сильный толчокъ при каждомъ качаніи маятника метронома. Сначала, послѣ каждаго толчка, листокъ смыкался, но спустя нѣкоторое время, наблюдателю представилось любопытное явленіе, при которомъ весьма чувствительное растеніе оказывалось равнодушнымъ на цѣлый рядъ толчковъ. Такимъ же образомъ безпрерывный, даже сильный шумъ

въ концѣ концовъ такъ притупляетъ наши слуховые нервы, что мы привыкаемъ къ шуму и какъ будто перестаемъ даже воспринимать его.

Мы видѣли, что у насѣкомоядныхъ растеній движенія могутъ быть, такъ сказать, наступательныя, какъ и движенія животнаго, схватывающаго добычу. У нѣкоторыхъ же растеній эти движенія имѣютъ характеръ оборонительный. Цвѣтокъ, напр., шафрана весьма чувствителенъ къ перемѣнамъ температуры. Легкая указка, помѣщенная на одномъ изъ лепестковъ этого цвѣтка, позволяетъ наблюдать весьма малыя движенія и, такимъ образомъ, доказано, что шафранъ оцѣниваетъ разность температуры на 1° Фаренгейта (около ½° Ц.). Если приблизить раскаленный уголь, то цвѣтокъ раскрывается. Способность эта находится въ связи съ опыленіемъ цвѣтка: подъ вліяніемъ горячихъ лучей солнца цвѣтокъ широко раскрывается и вскорѣ пчелы начинаютъ усердную работу по переноскѣ цвѣточной пыли изъ одного цвѣтка на другой. Если туча затемнитъ солнце и температура падаетъ, то цвѣтокъ начинаетъ смыкаться, такъ что первыя капли дождя находятъ драгоцѣнную цвѣточную пыль укрытою подъ сводомъ лепестковъ. Итакъ, тѣнь тучи для шафрана служитъ предостереженіемъ относительно приближающейся опасности, точно также какъ тѣнь приближающейся руки предостерегаетъ муху о враждебныхъ замыслахъ шалуна-мальчика.

Мы ограничились въ нашей работѣ лишь самыми выразительными аналогіями жизни растительной и животной, далеко не исчерпавъ громаднаго запаса фактовъ, собранныхъ и постоянно обогащаемыхъ Чарльзомъ и Фрэнсисомъ Дарвинами, Пфеферомъ (Physiologische Untersuchungen. S. 195), Аскенази (Botanische Zeitung 1877. № 50—52.—Naturforscher. 1878. S. 44.) и др. Ботаникъ, занимающійся физіологіей растеній, многому можетъ научиться отъ изучающаго физіологію животныхъ; но также и наоборотъ: очень возможно, что изъ наблюденій надъ физіологическими процесами растеній, мы могли бы чему-нибудь научиться и относительно механизма нашей собственной жизни.

Выгодный трудъ и убыточное потребленіе.

Трудъ создаетъ не предметы, а только полезности, т. е. онъ сообщаетъ переработываемой матеріи такія новыя качества, по которымъ она становится пригодной удовлетворять человѣческимъ нуждамъ. Хлопчатникъ или сахарный тростникъ, пока онъ ростетъ въ плантаціи въ своемъ натуральномъ видѣ, конечно, не пригоденъ ни для чего; но вотъ человѣкъ прилагаетъ къ нему самый разнообразный трудъ, измѣняетъ его форму, и изъ хлопчатника получается пряжа, изъ пряжи ткутся разнообразныя матеріи, изъ матерій шьется одежда. Разнообразная переработка сахарнаго тростника создаетъ изъ него кристалическій сахаръ, неимѣющій, повидимому, ничего общаго съ сахарнымъ тростникомъ. Поэтому, на языкѣ экономической науки, только такая переработывающая дѣятельность называется трудомъ, которымъ создаются полезности.

Первый видъ выгоднаго труда заключается въ томъ, чтобы сообщить предметамъ природы или сырью качества пригодности на непосредственное употребленіе. Такой случай былъ въ примѣрѣ, приведенномъ нами выше, когда человѣкъ превращаетъ сахарный тростникъ въ сахаръ, а хлопчатникъ въ бумажныя ткани и одежды. Этотъ видъ труда самый главный, основной и существенный. Имъ именно и создаются всѣ тѣ полезности, которыми человѣкъ удовлетворяетъ своимъ главнымъ надобностямъ и которыя, допуская накопленія, образуютъ богатство.

Другой видъ полезности заключается въ качествахъ, которыя влагаются не въ предметы, а въ людей. Человѣкъ только тогда становится экономическимъ производителемъ, когда трудъ его дѣлается способнымъ сообщать предметамъ полезность. Работникъ или производитель, не владѣющій никакимъ знаніемъ, есть безполезная сила или, точнѣе, производительное ничто. Сила, лежащая въ немъ въ состояніи инерціи, превращается въ силу дѣятельную лишь съ того момента, когда человѣкъ становится способнымъ сообщать предметамъ качества полезности. Эта способность создается воспитаніемъ, а слѣдовательно и самый трудъ воспитанія будетъ настолько полезенъ, насколько онъ сообщитъ производителю качество экономической полезности. Въ экономическомъ смыслѣ каждый учитель и воспитатель полезенъ настолько, насколько онъ создаетъ въ своемъ ученикѣ выгоднаго работника. Всякая система воспитанія будетъ тоже настолько полезна, насколько она успѣетъ сообщить производителю качества той же полезности. Въ той же степени будутъ полезны и воспитательныя работы правительства, направленныя на воспитаніе народа. Воспитаніе въ этомъ смыслѣ является очень широкимъ и въ немъ заключаются не однѣ только заботы о сообщеніи полезныхъ знаній. Такъ какъ задача всѣхъ человѣческихъ отношеній заключается въ томъ, чтобы каждому человѣку сообщить возможно высшую степень полезности, то въ кругъ задачъ этого рода слѣдуетъ включить все то, что способствуетъ не только созданію и развитію въ человѣкѣ полезной силы, но и сохраненію ея. Въ этомъ смыслѣ трудъ учителей, обучающихъ практическимъ наукамъ и искуствамъ, трудъ духовенства и проповѣдниковъ, содѣйствующихъ возвышенію нравственности и взаимныхъ нравственныхъ отношеній, правдивости, довѣрія, вѣрности, трудъ докторовъ и гигіенистовъ, сберегающихъ силы трудящихся и, вообще, всякій, повидимому, не матеріяльный трудъ, обращенный на улучшеніе и развитіе знаній и физическихъ и умственныхъ способностей, будетъ трудомъ полезнымъ. Но трудъ этотъ будетъ полезенъ только въ такомъ случаѣ, когда получится въ дѣйствительности тотъ результатъ, къ которому трудъ направленъ. Трудъ учителя окажется настолько полезнымъ, насколько онъ сообщитъ человѣку качества экономической полезности. Какъ бы ни былъ великъ, добросовѣстенъ и энергиченъ трудъ учителя, но если ученикъ не пріобрѣлъ полезныхъ знаній — трудъ учителя окажется убыточнымъ. Трудъ моралиста будетъ настолько же полезенъ, насколько его нравственныя поученія принесли моральную пользу и создали изъ ученика нравственнаго человѣка. Трудъ доктора будетъ настолько полезенъ, насколько онъ въ дѣйствительности излечиваетъ болѣзни и сообщаетъ больному физическое здоровье. Однимъ словомъ, всякій трудъ только въ такомъ случаѣ можетъ быть признанъ трудомъ, если онъ обнаруживаетъ полезное дѣйствіе и если инертную силу человѣка превращаетъ въ силу активной полезности, отъ которой выигрываетъ общее благосостояніе. Трудъ, дѣйствующій иначе, будетъ лишь безрезультатнымъ расходомъ силъ.

Есть еще родъ полезности, которая не выражается ни въ какомъ вновь созданномъ матеріяльномъ предметѣ. Этотъ родъ полезности имѣетъ нерѣдко даже отрицательный характеръ. Напримѣръ, полиція, войско, судебная власть, въ сущности, не создаютъ никакихъ новыхъ полезныхъ предметовъ. Вся заслуга ихъ заключается въ томъ, что они охраняютъ экономическаго производителя отъ матеріяльныхъ или нравственныхъ препятствій и помѣхъ и создаютъ въ немъ увѣренность, что онъ можетъ трудиться безопасно. Къ этому же разряду труда принадлежитъ трудъ тѣхъ людей, которыя дѣйствуютъ полезнымъ образомъ на состояніе чувствъ и мыслей экономическихъ производителей. Напримѣръ: романистъ, повѣствователь, музыкантъ, актеръ не создаютъ никакихъ матеріяльныхъ полезностей; но они могутъ оказать пользу чувствамъ, наклонностямъ и направленію мыслей, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества. Досугъ, остающійся у экономическаго производителя, можетъ быть употребленъ имъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Онъ можетъ быть употребленъ такъ, что нервы, вслѣдствіе возбужденія пріятнымъ образомъ, получатъ усиленную энергію для дальнѣйшаго труда; но могутъ также вмѣсто полезнаго вліянія подвергнуться вліянію разслабляющему. Вообще полезности, заключающіяся въ наслажденіяхъ, оказываютъ свою услугу только на самое ближайшее время. Актеръ или музыкантъ, создающій для своихъ зрителей или слушателей извѣстныя наслажденія, не производятъ никакихъ матеріяльныхъ предметовъ, допускающихъ накопленіе и потому полезность, ими производимая, не можетъ быть названа богатствомъ. Какъ бы ни былъ великъ талантъ музыканта или актера, но наслажденіе, которое онъ создаетъ, нельзя ни сохранить, ни скопить; поэтому зрители или слушатели не стали нисколько богаче, если только въ нихъ не возвысились вообще такія нравственныя качества, которыя могутъ передаваться по наслѣдству, въ видѣ усиленной энергіи и умственныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ трудъ писателей, содѣйствующихъ возвышенію умственныхъ качествъ отдѣльныхъ людей и цѣлаго населенія и создающихъ результаты, полезность которыхъ проявляется въ умственномъ обогащеніи работника, а слѣдовательно отражается и на качествѣ его труда, будетъ несомнѣннымъ богатствомъ. Не одни матеріяльные предметы допускаютъ накопленіе; умственное богатство, которымъ владѣетъ человѣчество, есть наслѣдственное накопленіе тѣхъ знаній, которыя передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Безъ возможности подобнаго накопленія и безъ его наслѣдственной передачи былъ бы невозможенъ прогресъ мысли и матеріяльный и нравственный ростъ человѣчества. Въ этомъ смыслѣ трудъ актера или музыканта можно разсматривать какъ трудъ наименьшей полезности. Гаррикъ былъ великій актеръ, а Паганини великій музыкантъ, но ни для того, ни для другого, не оказалась возможной наслѣдственная передача результатовъ ихъ труда. Наслѣдственно имъ не удалось передать своего таланта и они своею блестящею дѣятельностью нисколько не способствовали возвышенію умственнаго или нравственнаго капитала человѣчества. Возвышенію этого капитала содѣйствовали лишь тѣ работники, исполненію произведеній которыхъ они отдавали свой трудъ. Этими работниками были писатели и композиторы, пьесы которыхъ ими выполнялись.

Такимъ образомъ, полезнымъ трудомъ слѣдуетъ называть лишь тотъ, который создаетъ или непосредственное матеріяльное богатство, допускающее накопленіе, или трудъ, создающій, сохраняющій или увеличивающій полезность работника, или же такой умственный трудъ, который способствуетъ накопленію умственнаго и нравственнаго богатства народа, страны, человѣчества; во-

обще такой трудъ, полезность котораго опредѣляется возможно совершенной и полной дѣятельностью производительныхъ силъ и возможно большимъ накопленіемъ ихъ полезныхъ результатовъ.

Всякій трудъ, оканчивающійся однимъ непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивающимъ средствъ къ накопленію, экономическая наука называетъ трудомъ убыточнымъ; точно также будетъ убыточнымъ трудомъ и всякій такой трудъ, который производитъ хотя и не мимолетную пользу, но не служитъ къ накопленію матеріяльныхъ предметовъ. Стюартъ Милль говоритъ, что спасеніе жизни друга будетъ трудомъ производительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если этотъ другъ производительный работникъ, производящій больше, нежели онъ потребляетъ. Такое суровое отношеніе экономической науки къ нравственнымъ поступкамъ можетъ возмущать нравственное чувство. Разумѣется, если бы при спасеніи жизни близкихъ намъ людей мы руководствовались только экономическими соображеніями о выгодности или невыгодности погибающихъ, то нравственное чувство имѣло бы полное право считать себя оскорбленнымъ. Но приведенный нами примѣръ служитъ собственно къ болѣе полному выясненію экономическихъ положеній о выгодномъ и убыточномъ трудѣ. Примѣръ спасенія жизни непроизводительнаго друга выясняетъ лишь идею—на сколько непроизводительный работникъ является убыточнымъ, когда можетъ быть обобщенъ въ цѣломъ экономическомъ явленіи. Точно также отдѣльный моралистъ, если дѣятельность его непроизводительна, подобно погибающему непроизводительному другу, несоставляетъ еще бѣдствія для страны. Но когда является масса подобныхъ лицъ, и на содержаніе ихъ другіе должны производить массу необходимыхъ имъ продуктовъ, то ясно, что націи было бы выгоднѣе прокармливать большее число земледѣльческихъ и мануфактурныхъ производителей, чѣмъ лицъ непроизводящихъ никакого матеріяльнаго богатства. Прежде всего для всякаго народа нужно имѣть пищу, одежду и вообще предметы первой необходимости. Когда въ какой-нибудь странѣ является масса людей занятыхъ непроизводительнымъ трудомъ, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, то содержаніе ихъ идетъ въ чистый убытокъ. Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ 20,000 жителей и изъ нихъ 10,000 занятыхъ преподаваніемъ нравственныхъ правилъ и сохраненіемъ внутренняго и внѣшняго порядка. Ясно, что этимъ людямъ нѣкогда производить для себя пищу или одежду и все это должны производить за нихъ остальныя 10,000 населенія или каждый работникъ долженъ трудиться вдвое болѣе. Можетъ-ли быть такой порядокъ для страны выгоднымъ—ясно само собою, а такъ же ясно, что нація будетъ тѣмъ менѣе богатой, чѣмъ больше въ ней людей, на содержаніе которыхъ должны трудиться другіе.

Мало того, что трудъ націи можетъ оказываться убыточнымъ, когда въ ней является подобное неправильное распредѣленіе труда; бываютъ еще и такіе случаи, когда повидимому и выгодный трудъ оказывается убыточнымъ. Если, напримѣръ, работники по неискуству или по неумѣлости лицъ, которыя ими распоряжаются, работаютъ дурно, или новые процесы производства не облегчаютъ труда, то весь подобный трудъ, хотя и употребленный на производство, пойдетъ на столько въ убытокъ, насколько онъ создаетъ меньше, чѣмъ бы онъ могъ создать при лучшей организаціи. Если страна выстроитъ желѣзныя дороги, превышающія дѣйствительную надобность, если она произведетъ массу товаровъ, которыхъ сбыть некуда, если спекуляція, гонясь за наживой, кидается на предпріятія, расчитанныя на рискъ, то всѣ подобныя дѣйствія являются трудомъ убыточнымъ и всѣ работники, работавшіе на убыточное дѣло, будутъ убыточными работниками. Мало того, что пойдетъ въ убытокъ весь ихъ собственный трудъ, но окажется убыточнымъ и трудъ выгодныхъ работниковъ, которые на нихъ работали. Всѣ тѣ, кто производилъ для нихъ хлѣбъ, обувь, платье—трудились въ убытокъ; безслѣдно пропадетъ и трудъ цѣлой массы людей, которая прямо или косвенно содѣйствовала возможности существованія труда убыточныхъ производителей. Такимъ образомъ окажется убыточнымъ трудъ не только того земледѣльца, который производилъ работу для спекуляторовъ, для безполезныхъ тружениковъ не нужнаго интелектуальнаго труда, какъ, напримѣръ, учителей, занятія которыхъ не содѣйствуютъ возвышенію экономическихъ полезныхъ знаній, писателей, если ихъ писанія не подымаютъ умственнаго уровня экономически-выгодныхъ лицъ, актеровъ, музыкантовъ, живописцевъ, на сколько они не содѣйствуютъ тому же, однимъ словомъ, для представителей различныхъ занятій, если число занимающихся ими превышаетъ потребность въ нихъ; но окажется убыточнымъ и трудъ всѣхъ тѣхъ работниковъ, которые работали на земледѣльца, шили ему обувь, платье; пропадетъ трудъ и мельника и пастуха и возчика и торговца и желѣзныхъ дорогъ и лицъ, служащихъ на пароходахъ, и всей массы производителей, которые такъ или иначе помогли земледѣльцу, сапожнику, портному и проч. производить предметы для удовлетворенія надобности работниковъ, трудившихся, чтобы снабдить производителей убыточнаго предпріятія.

Здѣсь мы приходимъ къ такъ называемому убыточному потребленію. Въ каждомъ обществѣ экономическихъ производителей всегда будетъ меньше, чѣмъ потребителей, потому что не всякій производитъ, а между тѣмъ потребителемъ является каждый безъ исключенія. Выгодными потребителями бываютъ только выгодные работники, т. е. тѣ, которые производятъ или непосредственные матеріяльные предметы, допускающіе накопленіе, или такъ или иначе содѣйствующіе увеличенію производительныхъ силъ страны. Затѣмъ всякое потребленіе, не ведущее къ выгодному труду или возвышенію силъ, будетъ потребленіемъ убыточнымъ. Первое мѣсто въ ряду убыточнаго потребленія занимаютъ, такъ называемыя, наслажденія жизни, на которыя тратится безслѣдно наибольшая часть труда. Въ наше время, очень жадное въ погонѣ за наживой и за удовольствіями, расплодилось особенно много убыточныхъ потребителей. Всякій, кто гонится только за веселой жизнію и тратитъ на нее свои силы, время и деньги,—убыточный потребитель, ради удовлетворенія котораго тратится масса труда выгодныхъ работниковъ. Національное богатство не выигрываетъ ровно ничего отъ той массы увеселительныхъ учрежденій, которыя годъ отъ году ростутъ и увеличиваются повсюду. Что выигрываетъ нація или народъ отъ всей той массы пѣвицъ, пѣвцовъ, разсказчиковъ, музыкантовъ, канатныхъ плясуновъ, фокусниковъ, число которыхъ годъ отъ году увеличивается на счетъ выгодныхъ работниковъ? Не только трудъ полезныхъ работниковъ долженъ быть болѣе увеличеннымъ, чтобы кормить всю эту массу безполезныхъ людей, но онъ еще идетъ въ убытокъ, потому что растрачивается на убыточныхъ потребителей; а этими убыточными потребителями являются не только фокусники, плясуны и антрепренеры увеселительныхъ учрежденій, но и вся масса той праздной публики, легкомысліе которой служитъ для антрепренеровъ предметомъ спекуляціи. Изъ всей массы лицъ, пользующихся наслажденіями, выгодными потребителями будутъ только тѣ, которые пользуются удовольствіями, чтобы послѣдующій ихъ трудъ былъ успѣшнѣе, да и то на столько, на сколько онъ дѣйствительно становится успѣшнѣе. Ясно по этому, что экономическая наука считаетъ выгоднымъ потребленіемъ только такое, которое служитъ для поддержанія или улучшенія здоровья работника, его силъ и способностей и на воспитаніе другихъ выгодныхъ работниковъ. Всякое остальное потребленіе съ цѣлью удовольствія или предметовъ роскоши будетъ потребленіемъ убыточнымъ, все равно окажутся-ли потребителями люди праздные или люди трудящіеся, потому что цѣль подобнаго потребленія не есть выгодное производство.

Предметами роскоши слѣдуетъ считать такіе предметы, которые безъ существенной разницы для общей производительности страны могутъ быть замѣнены другими. Есть цѣлая масса предметовъ, которые даже и неспособны къ производительному потребленію. Напримѣръ, ананасы, дюшесы, шампанское, разныя дорогія вина, потребленіе которыхъ изъ году въ годъ увеличивается, вовсе не помогаютъ болѣе успѣшному и выгодному производству и не даютъ жизни такой поддержки или силы, чтобы жизнь отъ нихъ оказывалась болѣе содержательной. Трудъ, употребленный на производство этихъ предметовъ, оказывается по этому тоже убыточнымъ. Человѣчество выиграло бы разумѣется больше, если бы работники, производящіе шампанское, произвели бы вмѣсто него хлѣбъ, платье и другіе предметы первой потребности. Конечно, и шампанское и дорогія вина не считались бы предметами убыточнаго потребленія, если бы въ странѣ были бы удовлетворены всѣ первыя надобности въ пищѣ, одеждѣ и обуви. Но если въ странѣ есть масса такихъ людей, которая не имѣетъ сапоговъ или зимою—теплаго платья, а въ тоже время имѣется масса потребителей, для которыхъ нужно изготовлять шампанское, ананасы, дюшесы и воспитывать для нихъ акробатовъ, плясуновъ, фокусниковъ, то трудъ людей, создающихъ всѣ эти предметы третьей и четвертой надобности, будетъ трудомъ непроизводительнымъ.

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Послѣ непродолжительнаго молчанія, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ публика снова усѣлась по мѣстамъ. Президентъ наклонился къ судьямъ, сидѣвшимъ возлѣ него и тихо говорилъ съ ними; затѣмъ, взглядомъ давъ понять прокурору, что подсудимый успокоился и онъ станетъ продолжать дѣло, спросилъ:

— Г. абатъ, вы узнаете подсудимаго, вы видѣли именно его два раза у Леи Меданъ?

Патеръ отвѣчалъ утвердительно, наклоненіемъ головы.

— Вы видѣли его наединѣ съ Леею и слышали, какъ они говорили другъ другу ты; что вы думали объ ихъ отношеніяхъ?

— Я уже сказалъ вамъ; въ то время я считалъ баронессу Лею де-Меданъ свѣтскою женщиною, былъ вполнѣ увѣренъ въ ея нравственности и думалъ, что обвиняемый ея родственникъ, что оправдывало ихъ короткость; кромѣ того, меня убѣждало въ этомъ ихъ сходство: онъ былъ такой же блондинъ, какъ она, съ тѣмъ же свѣжимъ лицомъ, такими же голубыми глазами. Мое мнѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, кто была несчастная грѣшница; и я полагаю, что обвиняемый былъ любовникомъ баронессы...

— Встрѣчали-ли вы подсудимаго въ комнатѣ, гдѣ было совершено преступленіе?

— Нѣтъ, г. президентъ.

— Одинъ изъ свидѣтелей сказалъ, что Лея Меданъ принимала у себя на квартирѣ, въ улицѣ Лакюэ, то молодого человѣка, то священника.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. ПЛУМПА.

Французскій рабочій.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

— Г. президентъ, я бывалъ у баронессы Леи де-Меданъ только въ квартирѣ ея, въ улицѣ Бирона.

— И тамъ именно вы встрѣчали подсудимаго?

— Да, г. президентъ.

Несмотря на рѣшимость сдерживаться, при допросѣ предсѣдателя, Морисъ повернулся къ свидѣтелю, стараясь поймать его взглядъ; услышавъ отвѣтъ абата Дютилейля, онъ вскочилъ, съ искаженнымъ судорогою лицомъ, наклонился впередъ, съ вытянутыми кулаками, съ пѣною у рта, и воскликнулъ въ ярости:

— Но вы лжете, вы лжете, вы лжете! Вамъ вѣрно нужно выгородить настоящаго преступника, что вы такъ лжете... вы обманщикъ! Вы лжете, вы не знаете меня, вы меня никогда не видали... если бы я могъ, я удавилъ бы тебя, мошенникъ, ты не священникъ, ты...

На этотъ разъ скандалъ вышелъ еще сильнѣе; президентъ всталъ, вся публика поднялась, привѣтствуя выраженіями одобренія слова Мориса, въ которыхъ слышалась неподдѣльная искренность, подѣйствовавшая на всѣхъ; при видѣ его ярости, его жестовъ, жандармы бросились къ нему, опасаясь чтобы онъ не кинулся на свидѣтеля, который испуганно подвигался къ жандармамъ, сдерживавшимъ толпу. Защитникъ подбѣжалъ къ Морису въ ту минуту, какъ два жандарма, по приказанію президента, схватили его за воротъ; онъ пытался успокоить своего кліента, несчастный отвѣчалъ, рыдая, съ отчаяніемъ:

— Но онъ лжетъ; онъ лжетъ, клянусь вамъ; онъ лжетъ... я никогда не видѣлъ его, никогда не былъ тамъ, онъ лжетъ!

Президентъ все еще стоялъ; наконецъ ему удалось возстановить спокойствіе въ публикѣ. Когда все утихло, несчастный Морисъ, совершенно подавленный, опустился на свою скамью; раздавались только его рыданія; президентъ снова обратился къ нему:

— Подсудимый, брань и угрозы только увеличиваютъ опасность вашего положенія. Подобная система защиты недостойна; мнѣ бы слѣдовало наказать васъ. Но я желаю избѣжать этой крайности, надѣясь, что грустное впечатлѣніе, произведенное вами, послужитъ вамъ урокомъ. Мы прекратимъ засѣданіе; когда вы останетесь одни и размыслите, вы раскаетесь въ сегодняшнихъ заблужденіяхъ. Г. абатъ, вы говорили по совѣсти, вы сказали правду, я прошу у васъ прощенія за несчастнаго, и за тягостную обязанность, къ исполненію которой васъ принудило правосудіе.

— Здѣсь, г. президентъ, я простой свидѣтель и обязанъ былъ сказать вамъ правду. Какъ священникъ, я прощаю несчастному заблудшемуся юношѣ и прошу о снисхожденіи къ нему. Вернувшись домой я помолюсь за него, чтобы Всевышній осѣнилъ его Своимъ милосердіемъ.

— Засѣданіе закрыто, сказалъ президентъ,— до десяти часовъ завтрашняго дня.

Мориса не увели, а унесли. Онъ былъ совершенно истощенъ, обезсиленъ. Публика разошлась, глубоко взволнованная.

«Какимъ образомъ спасти его, что сдѣлать?» думала Иза, садясь въ свою карету.

Только лица, присутствовавшія на засѣданіи, сохраняли симпатію къ подсудимому; но вообще въ публикѣ, по прочтеніи газетныхъ отчетовъ, впечатлѣніе было совершенно иное. По началу преній было видно, что обвиненіе, формулированное противъ Мориса, основательно; онъ былъ любовникомъ Леи Меданъ, приготовилъ ядъ, и не могъ отрицать, что провелъ ночь у нея, такъ какъ не въ состояніи былъ указать, гдѣ находился въ это время; затѣмъ, въ отрывкѣ найденнаго у него письма, ему ясно напоминали о ночи преступленія и умоляли не называть ту, которая была его сообщницей.

На другой день публика была еще многочисленнѣе, чѣмъ наканунѣ, явилось въ особенности много дамъ; утреннія газеты описали необыкновенно привлекательно наружность обвиняемаго; кромѣ того, не всѣ свидѣтели еще были допрошены, оставался еще одинъ, допросъ котораго представлялъ не мало интереса для дамъ, привыкшихъ посѣщать судебныя засѣданія: оставался еще отчетъ доктора, который долженъ былъ разсказать, что ему открыло вскрытіе, изобразить картину того, что происходило передъ смертью. Положеніе, въ которомъ была найдена убитая, дѣлало неизбѣжнымъ употребленіе нѣсколькихъ нескромныхъ выраженій и предсѣдатель счелъ своимъ долгомъ предупредить публику.

— Стремясь къ открытію истины, я не стану просить доктора смягчать слова и выраженія; поэтому я долженъ предупредить, что могутъ встрѣтиться подробности, способныя оскорбить скромность слушателей; прошу тѣхъ, которыхъ могутъ смутить подобныя выраженія, заблаговременно оставить залу.

Женщины, краснѣя и улыбаясь, опустили головы, но ни одна изъ нихъ не тронулась съ мѣста. Только одинъ оставилъ залу: абатъ Дютилейль. Иза осталась; она пересѣла поближе къ обвиняемому и не спускала съ него глазъ.

На Мориса жалко было смотрѣть послѣ того, что произошло наканунѣ; онъ былъ убѣжденъ въ своемъ осужденіи и потерялъ бодрость; онъ чувствовалъ себя забытымъ, покинутымъ всѣми.

— Негодяй! говорили нѣкоторые. — Всѣ они таковы! Какъ онъ струсилъ наказанія!

Несчастный страдалецъ ничего не видѣлъ, не слышалъ. Докторъ давалъ длиннѣйшее показаніе, изъ котораго вытекало ясно, какъ день, что Морисъ имѣлъ необыкновенныя наклонности къ разврату, что проводя въ кутежѣ ночь съ Леей, онъ отравилъ ее, и она умерла, возвращая ему его поцѣлуи. Послѣ этого показанія, наполненнаго двусмысленностями, вызвавшими краску на щеки слушательницъ и заставлявшими ихъ нѣсколько разъ закрываться вѣеромъ, президентъ спросилъ Мориса, что онъ можетъ отвѣтить. Но Морисъ былъ совершенно ошеломленъ; онъ не могъ отвѣтить ни слова. Матье дю-Тале уже собирался предоставить слово прокурору.

Но за нѣсколько минутъ передъ этимъ, къ защитнику подошелъ приставъ, сказалъ ему что-то на ухо и передалъ записку, которую адвокатъ прочелъ съ удивленіемъ и радостью; онъ всталъ съ лихорадочною поспѣшностью и, обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ:

— Г. президентъ, прошу васъ выслушать еще одного свидѣтеля.

Президентъ слегка пожалъ плечами и возразилъ:

— Неужели вы думаете, милостивый государь, что присяжные еще не успѣли составить должнаго мнѣнія?

— Г. президентъ, я настаиваю на своей просьбѣ; свидѣтель былъ боленъ, какъ доказываетъ медицинское свидѣтельство; вслѣдствіе этой болѣзни, онъ не могъ быть допрошенъ; онъ явился во время судебнаго слѣдствія и я требую отъ вашего безпристрастія, чтобы онъ былъ выслушанъ: его на рукахъ принесли сюда.

Предсѣдатель колебался и взглядомъ совѣтывался съ прокуроромъ; тотъ изъявилъ согласіе.

— Ваше желаніе будетъ удовлетворено, сказалъ предсѣдатель;—кто этотъ свидѣтель?

— Г-жа Гударъ?

Публика, всегда жаждущая новизны и эфектовъ, прислушивалась внимательно, но это имя ей ничего не сказало; совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело оно на подсудимаго и на Изу. При этомъ имени Иза подняла голову и сказала почти вслухъ:

— Что это за г-жа Гударъ?

Морисъ всталъ, вытянулъ голову и руки; физіономія его внезапно преобразилась; онъ почти улыбался, взглядъ его переходилъ отъ защитника къ предсѣдателю и устремился на дверь, въ которую входили свидѣтели, когда предсѣдатель сказалъ:

— Приставъ, введите свидѣтеля.

— Сесиль, Сесиль, повторялъ про себя Морисъ, не смѣя вѣрить тому, что слышалъ.

Публика замѣтила быструю перемѣну въ лицѣ подсудимаго и догадалась, что свидѣтель имѣетъ важное значеніе.

Когда отворилась дверь и появилась молодая блѣдная женщина, опираясь на Амели и пристава, въ залѣ раздались удивленные возгласы.

Войдя въ залу, Сесиль тотчасъ же отыскала взглядомъ Мориса и, увидѣвъ, что онъ протягиваетъ къ ней руки, улыбнулась и пошевелила губами; онъ понялъ, что она сказала: «я здѣсь!»

Возгласы симпатіи, которыми встрѣтили молодую женщину, не вызвали замѣчанія президента; онъ велѣлъ посадить свидѣтельницу и, когда это было исполнено, спросилъ:

— Сударыня, достаточно-ли вы отдохнули, чтобы отвѣчать намъ?

— Да, г. президентъ, я въ состояніи отвѣчать, допрашивайте меня.

Легко понять, какое впечатлѣніе произвело появленіе новаго свидѣтеля; не зная еще, что должно послѣдовать, публика угадывала, что услышитъ чрезвычайно важныя подробности. Глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ. Взгляды всѣхъ переходили отъ свидѣтельницы къ подсудимому, по лицу и осанкѣ котораго было ясно, какое значеніе имѣетъ это свидѣтельство. Иза злобно смотрѣла на женщину, которая однимъ своимъ появленіемъ сразу завоевала себѣ симпатіи всѣхъ дамъ.

— Вы знаете обвиняемаго? спросилъ президентъ.

— О, да, г. предсѣдатель. Я была очень больна и долго не знала, въ какомъ онъ положеніи; я узнала это только сегодня и, несмотря на запрещеніе доктора, пожелала явиться сюда; онъ сказалъ, что я могу умереть... но, что за бѣда, лишь бы мнѣ удалось спасти невиннаго!

— Что вы можете сказать?

— Увѣряю васъ, г. президентъ, что Морисъ невиненъ, клянусь вамъ въ этомъ...

— Дитя мое, сказалъ ласково предсѣдатель,— такого вашего свидѣтельства еще недостаточно; правосудію нужны факты...

— О, да, я знаю, я должна сказать...

И бѣдная женщина залилась слезами.

— Успокойтесь, сударыня, и говорите.

— Да, я скажу все... Вы обвиняете Мориса Ферана въ томъ, что онъ, въ ночь на 20 іюня, убилъ женщину, свою любовницу.

Бѣдная Сесиль, произнося эти слова, пыталась улыбнуться; она продолжала говорить, прерывистымъ голосомъ, съ видимымъ усиліемъ, такъ что Морисъ зарыдалъ, видя, въ какомъ она состояніи, и хотѣлъ, чтобы она замолчала, но защитникъ удержалъ его.

— У Мориса нѣтъ любовницы, онъ любитъ одну меня...

— Но вы замужемъ?

— Да. Боже мой, какъ это трудно высказать!

Въ залѣ засѣданія было такъ тихо, что, несмотря на слабость голоса Сесили, слышно было каждое слово, каждый звукъ, каждый вздохъ.

— Мы воспитывались вмѣстѣ... въ той мысли, что современемъ будемъ мужемъ и женою... а потомъ захотѣли выдать меня за другого... Тогда я поклялась Морису, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другого...

Сесиль остановилась на секунду; предсѣдатель смотрѣлъ то на нее, то на окружающихъ, какъ бы спрашивая: «Что такое она говоритъ? это со-

всѣмъ не идетъ къ дѣлу; не сошла-ли она съума?»

Сесиль улыбалась Морису, какъ бы говоря, что у нея достанетъ силы дойти до конца.

— Я должна была вѣнчаться 21 іюня... Я спросила родителей, было-ли рѣшеніе ихъ неизмѣнно. Мнѣ сказали: «Да!» Тогда я убѣжала изъ дома, 20-го вечеромъ... мы условились съ Морисомъ умереть вмѣстѣ, такъ какъ намъ нельзя было повѣнчаться. Я встрѣтила его на Бастильской площади, онъ отвелъ меня къ себѣ...

— Это вы были съ подсудимымъ вечеромъ 20-го іюня на набережной Контрэскарпъ?

— Да, г. президентъ, я.

Присяжные и публика внимательно слушали. Сесиль продолжала:

— Онъ отвелъ меня къ себѣ... Тогда я сказала ему: «Морисъ, сегодня наша свадьба, мы мужъ и жена передъ Богомъ»... Вотъ это кольцо, что у меня на пальцѣ, онъ далъ мнѣ: на немъ вырѣзаны наши имена и число... Я сказала ему: «Я буду твоею женою, но я хочу умереть, такъ какъ не въ силахъ быть потомъ только твоею любовницею»... Онъ также рѣшился на смерть, купилъ это вино... я узнаю марку «Grand Royal e-Launay».

И она указала на бутылки, стоявшія на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

— Онъ приготовилъ отравленное вино и нѣсколько пирожковъ... Мы закусили и легли...

Сесиль опустила голову, на блѣдныхъ щекахъ ея вспыхнулъ яркій румянецъ.

— Вы выпили обѣ бутылки шампанскаго! Но это страшно много! сказалъ президентъ.

— Это-то и спасло насъ, какъ кажется... Мой желудокъ не вынесъ выпитаго количества... Наконецъ, ночью, около трехъ часовъ, я очнулась... больная, со страшною головною болью, грудь моя горѣла, какъ въ огнѣ... Я посмотрѣла, гдѣ я, и почувствовала, что возлѣ меня Морисъ...

Говоря это, она задрожала, какъ отъ прикосновенія къ трупу.

— Я подумала, что онъ мертвъ... Мертвъ, а я жива! Въ страхѣ, я соскочила съ постели и хотѣла броситься въ окно... Изъ окна я увидѣла Сену, тогда я... Морисъ!

И бѣдная женщина безъ чувствъ упала со стула.

Всѣ бросились къ несчастной; стража должна была схватить Мориса, который хотѣлъ кинуться на помощь къ своей спасительницѣ; Амели подбѣжала къ своей подругѣ и Сесиль вынесли изъ залы засѣданія. Происшествіе это произвело сильнѣйшее впечатлѣніе, председатель и прокуроръ, взволнованные сдѣланнымъ показаніемъ и обморокомъ свидѣтельницы, не обращали вниманія на возгласы толпы, внезапно преисполнившейся симпатіей къ подсудимому. Морисъ бился въ своей клѣткѣ и защитникъ не могъ вразумить его, что дѣло его почти выиграно... Что ему было до его жизни! Сесиль страдала, Сесиль могла умереть и это безразсудство сдѣлано изъ за него... О, какъ онъ любилъ теперь Сесиль! какъ нѣсколькими минутами она съумѣла вознаградить его за вынесенныя страданія.

Публика нетерпѣливо ждала развязки. Присяжные, взволнованные искреннимъ тономъ молодой женщины, ея болѣзненнымъ видомъ, романическою стороной ея разсказа, говорили между собою, уже рѣшивъ свой приговоръ. Иза судорожно вздрагивала и, кусая губы, повторяла, въ бѣшенствѣ:

— Какъ онъ ее любитъ!

Приставъ, видя, что прокуроръ хочетъ говорить, обратился къ публикѣ, прося ее успокоиться, но долго не могъ этого добиться; безпокойство выражалось на всѣхъ лицахъ, когда прокуроръ сказалъ:

— Г. президентъ, вслѣдствіе показанія свидѣтеля, не бывшаго при слѣдствіи, я прошу произвести новое дознаніе и дополнительное слѣдствіе.

Послышалось выраженіе разочарованія.

— Обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на томъ, что подсудимый не могъ указать, гдѣ онъ провелъ ночь 20 іюня, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ присяжнымъ. — Показаніе, данное послѣднимъ свидѣтелемъ со стороны защиты, уничтожаетъ это обвиненіе... Подсудимый, подтверждаете-ли вы сказанное свидѣтельницею, спросилъ онъ Мориса.

Морисъ всталъ, отеръ слезы и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я обязался честнымъ словомъ никогда и никому не открывать того, что произошло въ ночь 20 іюня. Я поклялся моей невѣстѣ скорѣе умереть, чѣмъ сознаться; она сама освободила меня отъ клятвы и я объявляю, что провелъ ночь 20 іюня съ Сесиль Тюссо; что я невыходилъ изъ комнаты, гдѣ утромъ меня нашла моя сестра, Амели, безъ чувствъ и спасла меня. То, что сказала г-жа Сесиль... Тюссо, совершенная правда.

— Исполняя желаніе г. прокурора, сказалъ холодно предсѣдатель, — я откладываю дѣло до слѣдующей сессіи, для производства дополнительнаго слѣдствія.

И засѣданіе кончилось.

Невозможно выразить горя Мориса, когда жандармы снова увели его; защитникъ убѣждалъ его, что онъ спасенъ: онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; мысли его принадлежали только несчастной женщинѣ, пролившей свѣтъ истины на его дѣло. Морисъ не думалъ о томъ, что она совершила; онъ думалъ только о ней самой; онъ видѣлъ, какъ она упала, видѣлъ, какъ ее подняли, какъ блѣдное лицо ея склонилось на плечо его сестры, закрывъ его темными кудрями; видѣлъ, какъ подбѣжалъ докторъ и велѣлъ вынести ее изъ залы засѣданія; какъ пристава унесли ее; онъ хотѣлъ кинуться къ ней, но его схватили и, несмотря на слезы, крики и отчаяніе, повели по длинному коридору.

Жандармы свели его въ тюремную карету, и несчастный не замѣтилъ, что часть публики ожидала его появленія, чтобы заявить ему свое сочувствіе. Поднимаясь на подножку, онъ оглянулся, приставивъ руку къ глазамъ, чтобы взглянуть на причину слышаннаго имъ шума и тотчасъ же опустилъ глаза... Онъ встрѣтилъ устремленный на него жгучій взглядъ Изы.

Морисъ сѣлъ въ карету, которая тотчасъ же отъѣхала. Иза смотрѣла, какъ она удалялась, потомъ, грустная, задумчивая направилась къ маленькому купе, которое ожидало ее у суда.

О чемъ думала Иза? Не трудно было угадать ея мысли по злобному взгляду, кинутому на группу, спускавшуюся со ступеней суда. Люи Пальяръ и Амели поддерживали Сесиль, пока Шади отыскивалъ карету. Сесиль казалась бодрѣе; она улыбалась своимъ спутникамъ и Иза не могла не воскликнуть:

— Какъ она прекрасна!

Купе прекрасной молдаванки тронулось. Иза бросилась въ уголъ и заплакала. Что ей предпринять? Иза со страстью предавалась каждому капризу, а теперь она полюбила Мориса. Ей достаточно было увидѣть его, чтобы полюбить. Въ ней проснулись всѣ грубые инстинкты ея натуры, какъ въ тѣ ночи, когда въ своемъ цыганскомъ костюмѣ, она бѣгала по баламъ, ища любви здоровыхъ молодцовъ; она чувствовала тѣ же желанія, но на этотъ разъ они были еще сильнѣе, еще требовательнѣе, такъ какъ въ ней говорила не одна чувственность, а къ страсти ея, возникшей у скамьи подсудимыхъ, примѣшивался романическій элементъ, къ тому же она знала, что жизнь несчастнаго въ ея рукахъ, и что взамѣнъ любви, она дастъ ему свободу... Но не откажется-ли отъ предложеннаго торга этотъ безумецъ, молчавшій, чтобы спасти честь женщины, рискуя быть осужденнымъ, — этотъ герой-сумасбродъ?

Онъ любитъ Сесиль Гударъ, онъ способенъ оттолкнуть ее — ее, Изу! Глаза ея сверкнули гнѣвнымъ блескомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ при мысли, что мужчина отвергнетъ ее, потому что любитъ другую! Она припомнила тогда, что онъ ни разу не отвѣтилъ на ея взглядъ; видѣлъ-ли онъ ее? И она снова вспомнила восторгъ его при видѣ Сесиль; она видѣла передъ собою его улыбку, взглядъ, жесты... Въ немъ очевидно жила только одна мысль: о Сесиль, такъ какъ изъ-за нея онъ соглашался прослыть убійцей. Кровь волновалась въ Изѣ со страшною силою; она желала Мориса, она любила его и ей нужна была его любовь... а борьба съ этою женщиною невозможна, въ особенности теперь, когда она, принесенною ею жертвой, еще сильнѣе завладѣла сердцемъ юноши! Что дѣлать?..

Зная Изу нечего удивляться, что ей пришло въ голову... Вотъ въ чемъ состояла ея первая мысль: что̀, если она пожертвуетъ Гударомъ, увидится съ Сесиль и скажетъ ей: «Я составила о васъ вѣрное мнѣніе: вы неспособны быть нечестною женщиною, вы не можете любить Мориса. Пошлите меня къ нему съ запискою, скажите въ ней, что вы сдѣлали все, что могли, чтобы спасти его, но что онъ не долженъ основывать на этомъ никакихъ надеждъ; прежняя любовь умерла; вы не увидитесь съ нимъ болѣе»... Иза спасетъ Мориса и избавитъ Сесиль отъ Гудара.

Она стронла эти предположенія, лежа въ каретѣ, съ полузакрытыми глазами; вдругъ она расхохоталась и воскликнула:

— Я съ ума сошла... Развѣ бы я уступила другой своего любовника?

Она пожала плечами, приподнялась, въ волненіи разорвала перчатки и, смѣясь нервнымъ смѣхомъ, сказала:

— Все равно, такъ или иначе, онъ будетъ моимъ; я люблю его... Прежде всего нужно, чтобы мой дуракъ принялся за новое слѣдствіе... необходимо освободить его...

Она задумалась... въ головѣ ея развивался планъ, который долженъ былъ выполнить Оскаръ де-Вершемонъ, ея дуракъ — какъ она называла его.

— Но я не могу предать Андре! Что дѣлать? вскричала она.

Въ эту минуту никто бы не узналъ гордую, великолѣпную Изу. Она казалась озабоченной, взглядъ былъ суровъ, зубы судорожно стиснуты; она изыскивала средство, и постоянно повторяла, какъ бы боясь поддаться искушенію: «Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно; предать Андре, это значитъ погубить себя. Нѣтъ, надо ихъ спасти обоихъ!»

Карета подъѣхала къ отворенной рѣшеткѣ ея дома, въѣхала во дворъ и остановилась у подъѣзда; дверца отворилась, и когда Иза хотѣла сойти, то, вмѣсто своего выѣзднаго лакея, увидѣла передъ собою незнакомца, видъ котораго внушилъ ей опасеніе.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спросила она.

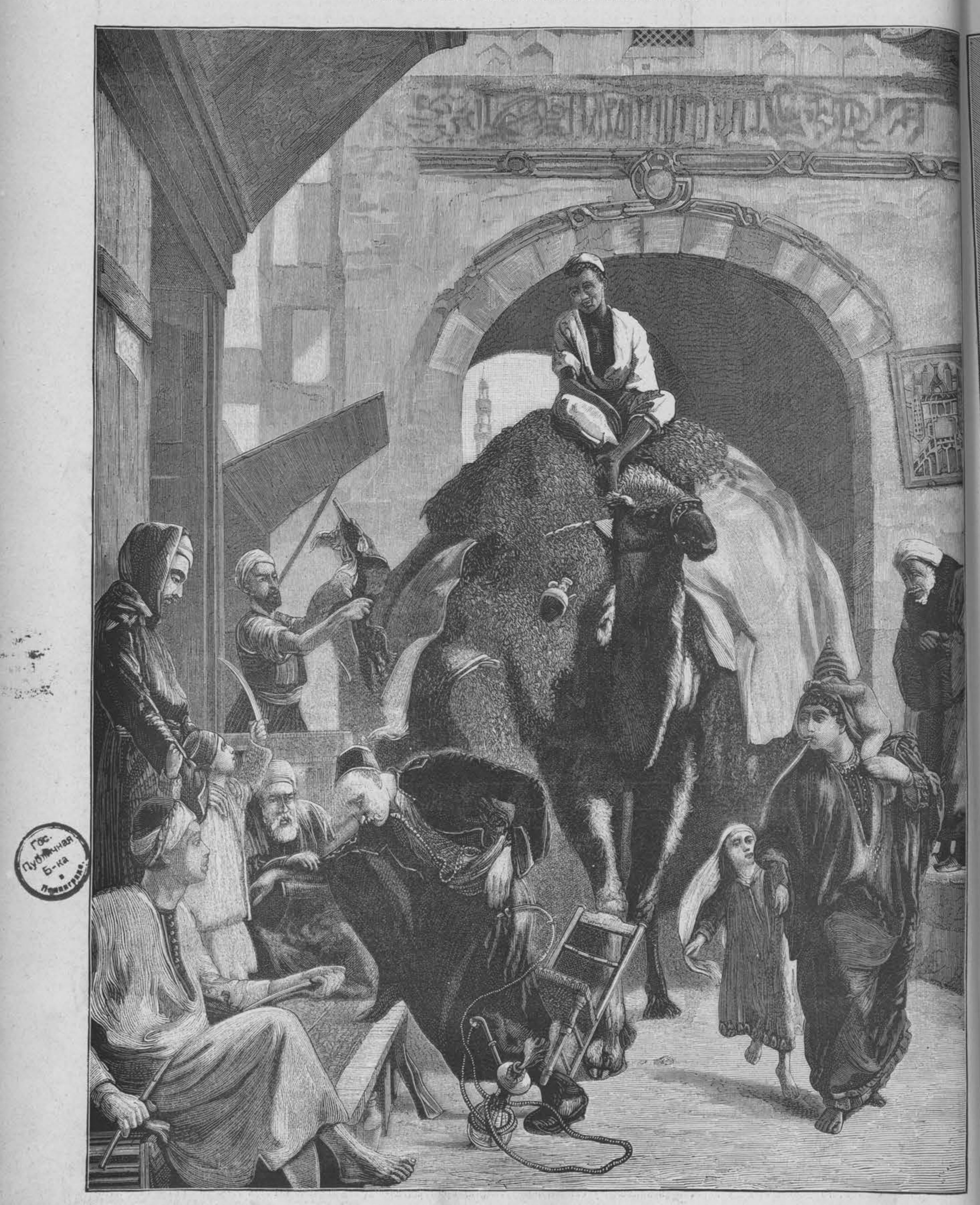
— Если я не ошибаюсь, вы — вдова Сегленъ? спросилъ въ свою очередь Гюре (это былъ онъ).

— Да, это я. Что вамъ угодно? Что это значитъ? Жюстина, Жюстина! закричала она въ ужасѣ.

— Не кричите, сударыня! Не выходите! Именемъ закона, я васъ арестую!.. У меня есть приказъ о вашемъ арестѣ... Позвольте мнѣ сѣсть возлѣ васъ, я тотчасъ же вамъ его покажу. Пожалуйста, сударыня, не дѣлайте скандала, это будетъ совершенно безполезно, мои агенты уже на козлахъ, возлѣ вашего кучера...

ЛОНДОНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1879 Г.

КАРТИНА ВАЛЬТЕРА ГЁРСЛЕЯ.

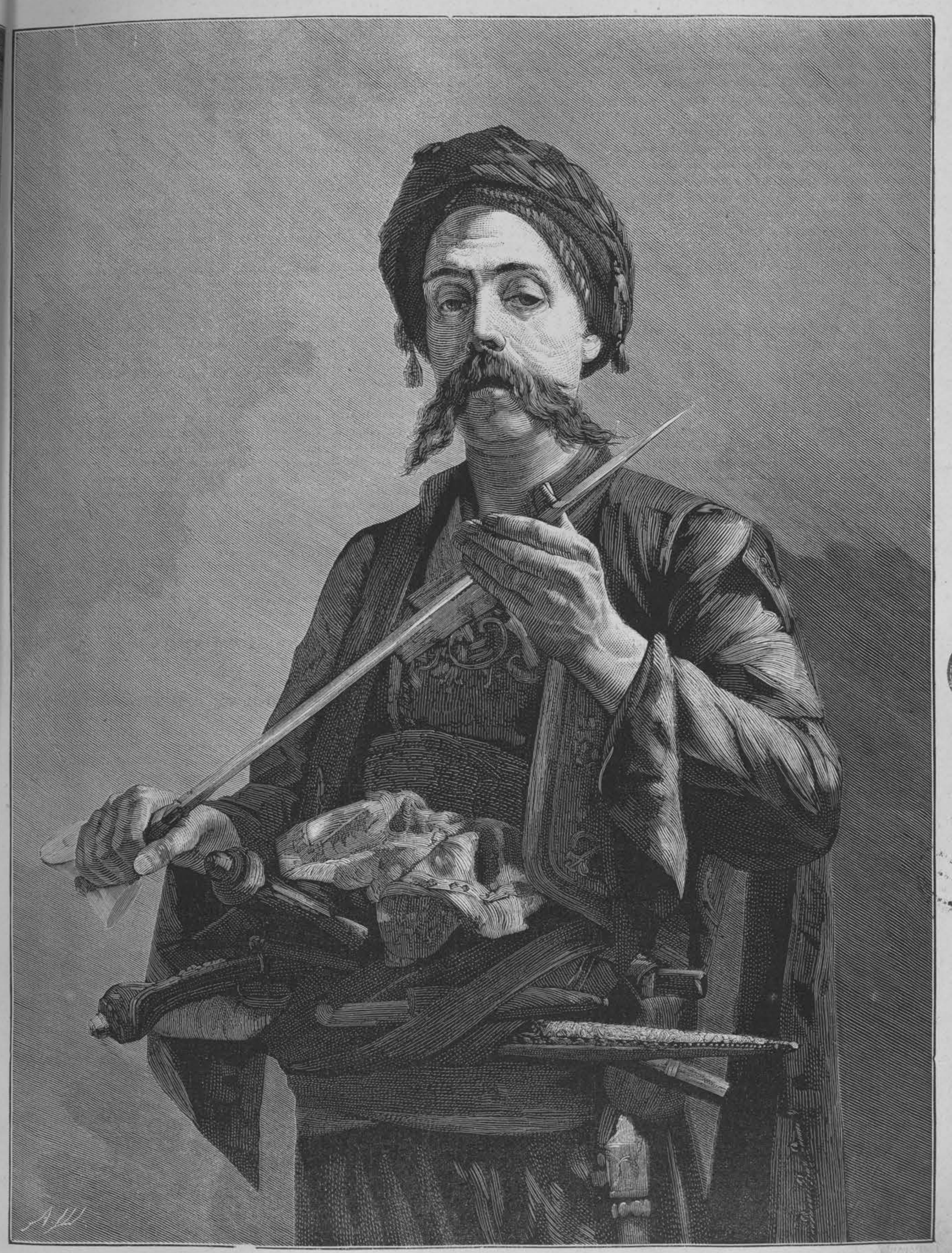

Караванъ въ Каиро.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

ЛОНДОНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1879 Г.

КАРТИНА Ф. Д. МИЛЛЕ.

Баши-бузукъ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— Смотрите, не раскайтесь въ томъ, что вы дѣлаете, сказала Иза, растерявшись.

Гюре посадилъ одного изъ агентовъ рядомъ съ молодой женщиной, а самъ усѣлся напротивъ, на скамеечкѣ. Иза откинулась въ уголъ кареты, какъ бы опасаясь прикосновенія агентовъ и смотрѣла на нихъ испуганно, задыхаясь, не въ состояніи понять, что совершалось. Иза ничего не сознавала до такой степени быстро дѣйствовали агенты, и не успѣла она очнуться, какъ карета достигла набережной и направилась къ префектурѣ.

Иза, въ остолбенѣніи, словно окаменѣлая, сидѣла въ углу кареты, не находя ни одного слова; она опомнилась только во дворѣ префектуры, когда остановилась карета, и агентъ Гюре распахнулъ дверцы, спрыгнулъ на землю и, любезно подавая ей руку, сказалъ:

— Мы пріѣхали, сударыня, не угодно-ли вамъ руку?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Красота, покоряющая силу. Недавно мы помѣстили копію съ произведенія Фокарди «Мальчикъ, котораго моютъ». Мы говорили, что подобныя произведенія, принадлежащія къ чисто реальному направленію, начинаютъ появляться все чаще и чаще и завоевываютъ симпатіи публики. Но рядомъ съ этими произведеніями попрежнему появляются вещи, принадлежащія художникамъ стараго направленія,—вещи, свидѣтельствующія о большихъ способностяхъ, къ сожалѣнію, ложно направленныхъ. Такова группа «Красота, покоряющая силу»: группа исполнена превосходно; и левъ, и женщина обличаютъ мастерство художника; но, къ сожалѣнію, вся группа является только алегоріею, а не сценою изъ дѣйствительной жизни; на нее можно полюбоваться, какъ на изящную вещь, но она не поразитъ васъ ни своею оригинальностью, ни своею правдою. А между тѣмъ, тутъ не мало таланта, не мало искуства.

Караванъ и Баши-бузукъ. Мы помѣстили нѣсколько копій съ картинъ, красовавшихся въ салонѣ 1879 года въ Парижѣ; въ настоящемъ нумерѣ наши читатели найдутъ двѣ копіи съ превосходныхъ картинъ, появившихся на художественной выставкѣ нынѣшняго года въ Лондонѣ. Обѣ картины взяты изъ восточной жизни: на первой картинѣ верблюды, купцы и погонщики, собравшіеся въ путь, окруженные оригинальной восточной обстановкой, переданы художникомъ превосходно, картина вся полна движеніемъ и жизнью; вторая картина изображаетъ типичную фигуру баши-бузука — холоднаго, суроваго, безпощаднаго, мужественнаго, какъ бы готоваго сейчасъ приняться за рѣзню, ради которой онъ пробуетъ, не притупилось-ли лезвее его оружія — это положительно замѣчательная фигура, правдиво и талантливо изображенная художникомъ.

Загонъ и Маленькіе похитители. Эти двѣ лѣтнія сцены, взятыя изъ нашей жизни, едва-ли нуждаются въ объясненіи. Не разъ, конечно, случалось вамъ видѣть этихъ лошадей съ жеребятами, которыхъ гонятъ въ загонъ. Еще чаще случалось, разумѣется, видѣть вамъ ребятъ, которыхъ гонятъ изъ чужого сада или изъ чужого огорода.

Кромѣ указанныхъ выше картинъ, въ настоящемъ нумерѣ мы помѣстили планъ Никшича, относящійся къ статьямъ г. Щербака «Осада Никшича». Въ слѣдующихъ нумерахъ мы надѣемся помѣстить продолженіе крайне интересныхъ воспоминаній г. Щербака и представимъ читателямъ нѣсколько видовъ характерныхъ мѣстностей Черногоріи.

Смѣсь.

— **Юная героиня.** Римскій кореспондентъ газеты «Times» сообщаетъ о замѣчательномъ подвигѣ 12-лѣтней дочери Гарибальди. Надняхъ молодой человѣкъ, неумѣвшій плавать, упалъ въ воду и сталъ тонуть. Проходившая мимо, маленькая Гарибальди бросилась въ воду, отыскала несчастнаго, который уже пошелъ-было ко дну, схватила его за волосы и благополучно вытащила на берегъ.

— **А. Патти.** 23 іюля происходилъ въ Ковенгарденскомъ театрѣ, въ Лондонѣ, концертъ въ пользу жителей, пострадавшихъ отъ разлитія рѣки По и отъ изверженій Везувія. Въ концертѣ участвовали всѣ артисты итальянской оперы, за исключеніемъ Аделины Патти. За то оркестръ исполнилъ сочиненный дивою вальсъ «Fior di Primavera» (Цвѣтъ весны), вызвавшій бурныя рукоплесканія. Пьеса эта въ высшей степени мелодична.

— **Итальянская опера въ Петербургѣ.** Извѣстный антрепренеръ Мерелли сообщилъ парижскимъ газетамъ слѣдующій списокъ артистовъ оперной итальянской труппы, ангажированныхъ имъ для предстоящаго театральнаго сезона, 1879—1880 года, въ Петербургѣ: «Первыя пѣвицы: г-жи Каролина Салла, Карлота де-Сепеда, Джулиенина Витали, Эмилія Кіоми, Каролина Смероски, Луиджіа Джинни, Тремелли (Требелли?), Ада де-Мойа и Корси. Тенора: гг. Мазини, Марини, Нувелли, Сабатеръ и Манфреди. Баритоны: гг. Котоньи, Буги, Корбоне, Угетти и Рагуэръ. Басы: гг. Уэтамъ, Гасперини и Сколара. Басъ-буффъ: г. Чіампи. Капельмейстеры: гг. Гоула и Дриго». Газеты прибавляютъ, что сезонъ начнется 29-го сентября 1879 года и окончится 2-го марта 1880 года; втеченіи его даны будутъ 128 представленій; репертуаръ будетъ состоять изъ 28 оперъ.

— **Ядовитый косметикъ.** Въ «Прав. Вѣст.» напечатано: Въ послѣднее время обнаружено, что почти у всѣхъ здѣшнихъ торговцевъ косметическими средствами вновь появилось въ продажѣ запрещенное къ ввозу въ Россію медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1875 году, косметическое средство, подъ названіемъ «Lait antephélique Candès et C°, Paris». Сдѣлавъ распоряженіе объ изъятіи изъ продажи означеннаго косметика въ магазинахъ столицы, петербургскій градоначальникъ считаетъ необходимымъ, въ видахъ предостереженія публики отъ употребленія упомянутаго средства, объявить во всеобщее свѣдѣніе, что, по химическому изслѣдованію, дѣйствіе этого средства признано ядовитымъ отъ присутствія въ немъ сулемы.

— **Шутники.** Нашъ талантливый драматургъ А. Н. Островскій художественно изобразилъ въ одномъ изъ своихъ произведеній типы безобразниковъ-шутниковъ. Къ несчастью, на Руси шутниковъ очень много и вотъ къ какимъ шуткамъ прибѣгаютъ они. «Рус. Вѣд.» пишутъ изъ Владиміра-на-Клязьмѣ: «Чрезвычайно тягостное время испытывалъ городъ недѣли двѣ-три назадъ. Какіе то безобразники распустили по городу слухъ о предстоящемъ, будто бы, громадномъ пожарѣ отъ поджога. Городъ заволновался; съ быстротою молніи стоустая молва повторяла самые невѣроятные слухи: говорили, что въ извѣстный день и часъ зарево пожара озаритъ городъ сразу съ 16 концовъ. Среди улицъ, назначенныхъ къ поджогу, особенно часто называли Мѣщанскую и Солдатскую Слободу. Указывали лицъ, къ которымъ, будто бы, подкинуты анонимныя письма съ предостереженіями, хотя никакихъ писемъ никто и не думалъ получать. Нѣкоторые приводили даже содержаніе писемъ. Такъ, говорили, будто бы, одно письмо содержитъ въ себѣ слѣдующія слова: «Днемъ жарко, ночью дѣтей жалко; ждите рано утромъ или поздно вечеромъ». Не обошлось и безъ курьезовъ. Пожарная команда нѣсколько разъ поднималась на ноги и подлетала стремглавъ къ домамъ, которые и не думали загораться. Страхъ усилился, когда дѣйствительно произошелъ пожаръ за Лыбедью. Хотя онъ, какъ выяснено было послѣ, имѣлъ причиною вовсе не поджогъ, а неосторожность, однако, тягостное чувство, овладѣвшее городомъ, увеличилось. На этомъ пожарѣ хорошо дѣйствовали солдаты, прибѣжавшіе изъ лагерей, отстоящихъ съ версту отъ мѣста пожара, и другія посторонніе лица; пожарная же команда прибыла довольно поздно. Въ настоящее время слухи о пожарахъ затихли, и тягостное чувство паники проходитъ».

— **Точно выхваченное изъ сенсаціоннаго романа происшествіе.** «Голосу» сообщаютъ изъ Варшавы, отъ 26 іюня: «Два дня назадъ, одинъ англичанинъ-путешественникъ, находясь вечеромъ въ саду «Бель-Вю», содержимомъ г. Рейнеромъ, встрѣтивъ г. Рейнера обратился къ полиціи и объявилъ, что, шестнадцать лѣтъ назадъ, въ Одесѣ, совершено было убійство его, англичанина, родственника, зарѣзаннаго ночью лакеемъ, успѣвшимъ впослѣдствіи неизвѣстно куда скрыться. Теперь, въ лицѣ содержателя «Бель-Вю», онъ узнаетъ убійцу-лакея и проситъ его задержать. Въ подтвержденіе своихъ подозрѣній, англичанинъ указалъ, что два шрама на головѣ подъ волосами, находившіеся у убійцы, оказались у г. Рейнера. Содержатель «Бель-Вю» не принадлежитъ къ коренному населенію Варшавы и поселился здѣсь лѣтъ четырнадцать назадъ, служилъ прежде кельнеромъ въ одной первоклассной гостиницѣ, потомъ открылъ увеселительное заведеніе «Тиволи», на Королевской улицѣ, женился на мѣстной уроженкѣ и, наконецъ, построилъ свой театръ «Бель-Вю», на Хмѣльной улицѣ. За поручительствомъ компетентныхъ лицъ, онъ оставленъ до разъясненія дѣла на свободѣ; англичанинъ же, какъ говорятъ, внесъ значительный залогъ и немедленно отправился за границу, чтобъ привести оттуда другихъ родственниковъ убитаго, бывшихъ въ Одесѣ и знавшихъ въ лицо, такъ же какъ и онъ, лакея-убійцу, который Рейнеромъ, однако, въ Одесѣ не назывался. Исторія эта облетѣла весь городъ. Дознаніе передано прокурорскому надзору».

— **Пантелѣевскій капиталъ.** Въ концѣ 1875 года, въ газетахъ много говорилось о миліонномъ завѣщаніи въ пользу крестьянъ порховскаго уѣзда. Теперь въ «Прав. Вѣст.» напечатано высочайшее повелѣніе «о порядкѣ обращенія по назначенію капитала, завѣщаннаго гвардіи штабсъ-ротмистромъ Пантелѣевымъ на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ помѣщичьихъ имѣній порховскаго уѣзда». Для этого установлены, между прочимъ, слѣдующія правила: «Право на безвозмездный выкупъ надѣловъ насчетъ капитала Пантелѣева принадлежитъ всѣмъ тѣмъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ порховскаго уѣзда, которые въ день смерти Пантелѣева, 21 сентября 1875 года, состояли еще въ обязательныхъ къ помѣщикамъ отношеніяхъ. Но какъ капиталъ сей недостаточенъ для выкупа надѣловъ всѣхъ таковыхъ крестьянъ, то они могутъ воспользоваться этимъ правомъ не иначе, какъ по жребію. Сверхъ того, для тѣхъ изъ сихъ крестьянъ, которые не выкупили еще своихъ надѣловъ, при содѣйствіи правительства, послѣ смерти завѣщателя, и вообще относительно которыхъ не заявлено еще помѣщикомъ желанія о выкупѣ ими своихъ надѣловъ требуется, для пріобрѣтенія сихъ надѣловъ въ собственность насчетъ пантелѣевскаго капитала, согласіе на то со стороны помѣщика (ст. 2). Въ пользу крестьянъ, которые получатъ право на выкупъ своихъ надѣловъ насчетъ пантелѣевскаго капитала, на основаніи ст. 2, назначается на этотъ предметъ изъ сего капитала наличными деньгами (или 5% банковыми билетами, но не по нарицательной ихъ цѣнѣ, а по тому биржевому курсу, какой будетъ существовать во время составленія расчета), сумма, равная выкупной ссудѣ, какая причитается за ихъ надѣлы, на основаніи 66 или 67 ст. пол. о вык. Засимъ, согласно опредѣлительно выраженной Пантелѣевымъ волѣ, чтобъ крестьяне пріобрѣтали свои надѣлы при помощи оставленнаго имъ капитала безвозмездно, помѣщики, которые, на основаніи 2 ст. сихъ правилъ, изъявятъ согласіе на выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ насчетъ сего капитала, обязываются ограничиться полученіемъ за сіе вознагражденія въ указанномъ въ настоящей статьѣ размѣрѣ, не требуя съ крестьянъ никакихъ дополнительныхъ платежей или исполненія въ ихъ пользу другихъ какихъ-либо обязательствъ (ст. 3). (Примѣчаніе. Помѣщикъ,

отказавшійся отъ уступки крестьянамъ въ собственность ихъ надѣловъ на этихъ условіяхъ, не лишается предоставленнаго ему «Положеніемъ» о выкупѣ 19 февраля 1861 года права подвергнуть впослѣдствіи сіи надѣлы выкупу, обязательному для крестьянъ, или по взаимному съ ними соглашенію, на основаніи правилъ сего положенія). По обнародованіи настоящихъ правилъ, порховскій уѣздный предводитель дворянства обращается ко всѣмъ помѣщикамъ, отъ коихъ требуется согласіе на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, на основаніи ст. 2, съ письменнымъ запросомъ о томъ: желаютъ-ли они предоставить своимъ временнообязаннымъ крестьянамъ ихъ надѣлы въ собственность на условіяхъ, изложенныхъ въ ст. 3. При этомъ, на доставленіе отвѣта на таковой запросъ, назначается предводителемъ извѣстный срокъ, соображаясь съ мѣстомъ нахожденія владѣльца имѣнія, не болѣе, впрочемъ, трехъ мѣсяцевъ—для помѣщиковъ, находящихся внутри имперіи, и шести мѣсяцевъ—для находящихся за границею. Неполученіе отвѣта въ назначенный помѣщику срокъ принимается за несогласіе его на выкупъ крестьянами ихъ надѣла насчетъ пантелѣевскаго капитала».

— **Огненные столбы.** Корреспондентъ «Вил. Вѣст.» изъ Слонима сообщаетъ о рѣдкомъ феноменѣ, явившемся, 11-го іюля, въ мѣстечкѣ Бытенѣ, слонимскаго уѣзда: «Въ 6 часовъ вечера, при тихой и ясной погодѣ, съ запада вдругъ появилось странное облако, синебагроваго цвѣта, изъ средины котораго выдѣлились огненные столбы. Съ противоположной стороны горизонта появилось густое черное облако, такъ что въ мѣстечкѣ почти стемнѣло. При встрѣчѣ облаковъ надъ центромъ мѣстечка, въ воздухѣ раздался такой пронзительный свистъ, что всѣ жители въ испугѣ выбѣжали изъ домовъ и, увидя огонь, стали кричать: «пожаръ, пожаръ!». Вдругъ съ трескомъ опустился на землю тифонъ или смерчъ: началъ вертѣться около церкви, онъ разрушилъ ея уголъ и съ корнями вырвалъ два столѣтнія дерева, стоявшія около церкви. Все это произошло въ одно мгновеніе. Потомъ вихрь поднялся, началъ вертѣться надъ домами съ страшнѣйшимъ свистомъ и сталъ срывать крыши: одна за другою слетѣли 29 крышъ съ деревянныхъ домовъ, въ томъ числѣ 17 съ крестьянскихъ и 12 съ еврейскихъ; многія крыши очутились въ рощѣ, находящейся за версту отъ мѣстечка. Съ одного дома поднялась крыша, на встрѣчу прилетѣлъ заборъ и ударилъ въ бокъ ея; она повернулась поперегъ и сѣла обратно. Съ другого дома крыша съ цѣлымъ верхнимъ строеніемъ поднялась на $1\frac{1}{2}$ аршина и опустилась съ такимъ ужаснымъ трескомъ, что домъ чуть не развалился. Потомъ тифонъ спустился въ рѣку Щару; втеченіи какихъ-нибудь 5 минутъ, немалое пространство русла лишилось всей воды. Тифонъ съ ревомъ пошелъ дальше рѣкою и исчезъ».

— **Самосожженіе.** Объ извѣстномъ фактѣ самосожженія Сомова «Голосу» сообщаютъ изъ Одессы слѣдующее: Сомова арестовали на приморскомъ бульварѣ, вечеромъ, 9-го іюля. На бульварѣ онъ произносилъ какія-то восклицанія, въ полиціи велъ себя еще страннѣе, повторяя, что истина восторжествуетъ, и угрожая, что всѣхъ истребятъ. Потомъ, въ тотъ же вечеръ, Сомовъ заявилъ исправляющему должность полиціймейстера, Лохвицкому, что болѣе не будетъ отвѣчать, а также пищи не будетъ принимать. Онъ это и исполнилъ. 11-го іюля, Сомовъ былъ переведенъ изъ полиціи въ тюремный замокъ, гдѣ тотчасъ сталъ пропагандировать, попрежнему, обращаясь къ ключникамъ и солдатамъ. 12-го іюля, предъ вечернею повѣркою, Сомовъ сдѣлался особенно неспокоенъ, порывался выбѣжать изъ камеры, требовалъ, чтобъ часовые его убили, душилъ ключника, раздѣлся совершенно. Смотритель тюрьмы приказалъ связать его по рукамъ и ногамъ его же бѣльемъ, и положить на тюфякъ. Потомъ камера была заперта и на полу ея оставлена керосиновая лампа. Между 7 и 8 часами вечера того дня замѣтили въ камерѣ дымъ. Отворили камеру и застали Сомова обгорѣвшимъ. На рукахъ, спинѣ и ягодицахъ оказались смертельные обжоги. Сомовъ, непринимавшій никакой пищи со времени своего ареста, какъ видно по послѣдствіямъ, твердо рѣшился покончить съ собою. Выпутавшись изъ связывавшихъ его кальсоновъ, онъ дошелъ до лампы, сдвинулъ ламповое стекло и, сидя или стоя, произвелъ самосожженіе. Такъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, хотя точныхъ данныхъ нѣтъ и не можетъ быть. Никто не видалъ этого акта самоистязанія, никто не слышалъ ни одного звука, стона отъ боли. Сомова немедленно перевели въ тюремную больницу, гдѣ онъ и умеръ 14-го іюля. Отсутствіе достаточнаго наблюденія за нимъ въ то время, когда онъ былъ связанъ, и присутствіе въ камерѣ керосиновой лампы были ближайшими пособниками человѣку, рѣшившемуся во что бы то ни стало убить себя. Но эта чрезвычайная сила воли, не остановившаяся предъ выборомъ самаго мучительнаго рода смерти, эта сила воли у человѣка 22-хъ лѣтъ, всего болѣе изумительна тѣмъ, что онъ не былъ ни больнымъ, ни сумасшедшимъ. По крайней мѣрѣ, медицинскій актъ вскрытія трупа констатируетъ такой фактъ.

— **Рѣдкое долголѣтіе.** Нѣмецкая одесская газета сообщаетъ, что въ домѣ Гендлера, на Колонтаевской улицѣ, № 33, проживаетъ портной Словуцкій, достигшій очень рѣдкаго возраста—119 лѣтъ. Женѣ его 97 лѣтъ. Оба еще очень бодры; особенно отличается этимъ мужъ, который, не-смотря на свои преклонныя лѣта, работаетъ до сихъ поръ иглою, не прибѣгая къ помощи очковъ.

— **Котъ, какъ свидѣтель передъ судомъ, въ уголовномъ преступленіи.** Весьма ошибочно предполагаютъ, что между животными нѣтъ дружбы и привязанности въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а только одни, такъ-называемые, инстинкты. Слѣдующее происшествіе, недавно приключившееся въ Кенигсбергѣ, докажетъ это наилучшимъ образомъ. Въ одномъ церковномъ домѣ упомянутаго города жили: смирный, граціозный олень и прекрасный большой котъ. Эти животные, обитая довольно долго въ одномъ и томъ же домѣ, такъ подружились, что были неразлучны — вмѣстѣ пили, ѣли и даже спали. Однажды, ночью, прислуга была разбужена страшнымъ крикомъ, визгомъ и пискомъ, раздававшимися въ той сторонѣ двора, гдѣ жили «Касторъ и Поллуксъ». Прибѣжавшаго на шумъ слугу встрѣтилъ котъ, сильно окровавленный и жалобно мяукавшій; оленя же и слѣдъ простылъ. Тотчасъ начались поиски за пропавшимъ животнымъ и розыскиваніе дерзкаго вора; нѣсколько дней спустя, подозрѣніе полиціи пало на непригляднаго господина, съ сильно поцарапанной физіономіей и съ вырванными глазомъ. Его арестовали, а на судѣ единственнымъ свидѣтелемъ явился котъ, котораго окровавленныя лапы и когти какъ разъ соотвѣтствовали рубцамъ и царапинамъ, покрывавшимъ лицо и руки незнакомца. Въ виду безполезности дальнѣйшаго запирательства, воръ сознался въ кражѣ оленя, и похищенное животное было возвращено хозяину уже изъ третьихъ рукъ. Надо было видѣть какими радостными прыжками и нѣжными ласками нашъ герой-котъ привѣтствовалъ своего пріятеля, который, вѣроятно, никогда не забудетъ, что онъ обязанъ ему своимъ избавленіемъ.

— **Кухонныя лекціи.** Въ Америкѣ, такъ-называемыя «кухонныя лекціи», по своей новизнѣ и оригинальности, пользуются громаднымъ успѣхомъ. Лекціи эти ввела въ моду нѣкая миссъ Доддъ, изъ Шотландіи. Надо признаться, что она взялась за дѣло довольно искусно. Прежде всего, издала поварскую книгу, не оставляющую ничего желать по части указаній скоро, вкусно, питательно и дешево готовить кушанье. Между прочими рецептами находятся и такіе, по которымъ за 25 центовъ, т. е. приблизительно 35 к., можно изготовить довольно сытный обѣдъ на 6 человѣкъ (!). Чтобъ это доказать на дѣлѣ, миссъ Доддъ публично выступаетъ въ Нью-Іоркѣ, въ залахъ «Christian association of yong men», читаетъ лекціи и тутъ же, на глазахъ огромной массы слушателей, стряпаетъ обѣдъ, приготовленіе котораго было предметомъ лекціи. Все это дѣлается съ замѣчательной быстротой и ловкостью; обѣдъ покупается на расхватъ публикой и тутъ же съѣдается ею. Замѣчательно при этомъ, что миссъ Доддъ настолько же быстро, опрятно и дешево готовитъ кушанье, насколько ясно, связно и удобопонятно читаетъ свою лекцію. Эта професорша въ области гастрономіи не удовлетворяется однако, однѣми публичными лекціями, она стремится основать нѣчто въ родѣ университета для поваровъ, съ поварской лабораторіей, гдѣ каждый и каждая, могли бы научиться скоро и дешево приготовлять вкусную и здоровую пищу. Въ Америкѣ насчитываютъ громадное количество послѣдователей ея теоріи и на каждой ея лекціи, зала переполнена слушателями.

— **Восковое дерево.** Въ ученомъ мірѣ много толкуютъ о новомъ деревѣ, недавно открытомъ въ Америкѣ. Многіе трудятся надъ тѣмъ, чтобъ акклиматизировать его въ Европѣ и по этому поводу одинъ ученый говорилъ своей женѣ:

— Дерево это приноситъ столько воску, сколько 20 тысячъ пчелъ не въ состояніи произвести. Можешь себѣ представить, какая это будетъ для меня слава, если я разведу его въ нашемъ отечествѣ!

— Вы бы лучше занялись разведеніемъ полотеровъ, отвѣчала ему жена;—воскъ стоитъ только 40 коп. въ мѣсяцъ, а полотерамъ надо платить 5 рублей.

— **Аристократизмъ.** Одинъ богатый лордъ, хвастаясь своимъ происхожденіемъ передъ Свифтомъ, замѣтилъ, что истинный аристократъ никогда не работаетъ.

— Вотъ какъ! отвѣчалъ ему на это творецъ «Путешествія Гуливера, — въ Англіи всѣ работаютъ, не только мужчины, женщины и дѣти, но даже лошади и волы, даже огонь и вода никогда не отдыхаютъ, одна только свинья ничего не дѣлаетъ... Значитъ она и есть настоящей аристократической породы?

— **Наивность.** Въ «Правдѣ» сообщаютъ: Извѣстный старый ученый, Даніэль Вебстеръ, написалъ однажды за свою служанку, которая не умѣла ни читать, ни писать, письмо къ ея родителямъ и, прочитавъ его ей, спросилъ:

— Не имѣешь-ли ты еще что-нибудь прибавить?

— Ахъ, г. професоръ, сказала служанка,— прибавьте, пожалуйста, чтобы они не сердились, что письмо такъ глупо!

Улыбнувшись, добрякъ старикъ исполнилъ желаніе своей служанки.

— **Попугай въ роли филантропа.** Бывшій депутатъ венгерскаго рейхстага, Николай Киссъ, повѣсилъ на лѣстницѣ своего роскошнаго дворца въ Парижѣ изящно сдѣланную кружку для сбора денегъ, а надъ нею помѣстилъ попугая. Стоитъ только какому-нибудь гостю появиться на лѣстницѣ, какъ попугай тотчасъ-же начинаетъ кричать: «Сегединъ». Гость, удивившись такому возгласу и оглянувшись, не замедлитъ замѣтить кружку съ попугаемъ и поневолѣ положить въ нее что-нибудь. Такимъ способомъ попугай уже собралъ 8,000 франковъ въ пользу города Сегедина.

— **Дорогой жеребенокъ.** Въ Англіи одинъ заводчикъ пріобрѣлъ молодого, чистокровнаго жеребенка за 1,050 фунтовъ стерлинговъ, что, по настоящему курсу, составляетъ приблизительно 10,000 рублей. Жеребенокъ, дѣйствительно, великолѣпный, и купившій его полагаетъ не только вернуть эти деньги, но и утроить ихъ при помощи будущаго кровнаго потомства пока еще молодого жеребенка. Отецъ жеребенка, «Принцъ Уэльскій», извѣстенъ любителямъ лошадей, а мать «Юнгъ Рози» славится количествомъ взятыхъ ею призовъ.

— **Реклама.** Эдисонъ изобрѣлъ новый приборъ, названный аэрофономъ. Аэрофонъ есть аппаратъ, служащій для усиленія звуковъ человѣческаго голоса настолько, чтобы сказанное обыкновеннымъ голосомъ слово слышно было на нѣсколько сотъ шаговъ въ окружности. Этотъ апаратъ можетъ принести огромную пользу, въ качествѣ морского сигнальнаго апарата, такъ какъ съ силою производимыхъ имъ звуковъ не могутъ сравниться никакіе рупоры. Но падкіе до рекламы (въ особенности эксцентричной) янки успѣли уже изъ аэрофона сдѣлать орудіе подобной рекламы. Одинъ кентукійскій табачный плантаторъ Дур-

гамъ купилъ у Эдисона монопольное право на этотъ приборъ и намѣренъ снабдить имъ всѣ существующіе на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ паровозы, чтобы они, во все время хода поѣзда, выкрикивали зычнымъ голосомъ: «Табакъ Дургама!»

— **Супъ королевы Викторіи.** Нужно снять кожу съ трехъ жирныхъ пулярдокъ или куръ (смотря по времени года), выпотрошить ихъ и тщательно вымыть въ теплой водѣ. Затѣмъ, пулярдки эти кладутся на сковороду, почти до верху наполненную крѣпкимъ телячьимъ бульономъ; ихъ посыпаютъ петрушкою и цѣлый часъ даютъ имъ упрѣть. Затѣмъ, пулярдки вынимаются, очищаются отъ костей, мелко рубятся и толкутся въ ступѣ. Въ бульонѣ размачивается между тѣмъ, корка отъ двухъ французскихъ бѣлыхъ хлѣбовъ, туда же кладутся, желтки отъ четырехъ яицъ, свареныхъ въ крутую, и наконецъ все это вмѣстѣ съ истолченымъ мясомъ пропускается черезъ рѣшето, смѣшивается съ кипячеными сливками, еще разъ подогрѣвается на огнѣ, и наконецъ подается на столъ.

— **Долговѣчность животныхъ.** Въ «Земл. газ.» пишутъ: По лорду Вильяму Леноксу, медвѣдь рѣдко переживаетъ 20 лѣтъ; собака живетъ лишь до 20 лѣтъ, волкъ—столько-же, лисица—отъ 14 до 16 лѣтъ. Львы достигаютъ глубокой старости; такъ, одинъ левъ («Помпей») дожилъ до 70 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни кошекъ—14 лѣтъ; бѣлка и заяцъ живутъ 7 — 8 лѣтъ; кроликъ—7 лѣтъ. Доказано, что слоны могутъ достигать 400-лѣтняго возраста. Александръ Великій, покоривъ индійскаго князя Пора, отобралъ у него большого слона, мужественно защищавшаго своего государя; онъ назвалъ его «Аяръ» и посвятилъ богу солнца, приказавъ привязать къ нему слѣдующую надпись: «Александръ, сынъ Юпитера, посвятилъ «Аяра» богу солнца». Затѣмъ слона пустили, а черезъ 354 года онъ былъ снова пойманъ. Свиньи достигали возраста 30 лѣтъ; носороги-же, какъ говорятъ, живутъ только 20 лѣтъ. Одна лошадь жила 62 года; средняя же продолжительность жизни лошадей—отъ 20 до 25 лѣтъ. Верблюды иногда живутъ до 10 лѣтъ. Олени достигаютъ глубокой старости, овцы-же рѣдко переживаютъ 10 лѣтъ, а коровы живутъ до 15 лѣтъ. Естествоиспытатель Кювье считалъ вѣроятнымъ, что киты иногда доживаютъ до 1,000 лѣтъ. Дельфины, напротивъ, живутъ только 30 лѣтъ. Одинъ орелъ умеръ въ Вѣнѣ 104 лѣтъ. Вороны часто живутъ до 100 и лебеди—до 300 лѣтъ; у англичанина Малертона есть скелетъ лебедя, прожившаго 290 лѣтъ. Пеликаны тоже живутъ очень долго. Одна черепаха прожила 107 лѣтъ.

— **Самое высокое дерево въ свѣтѣ.** Въ «Земл. газ.» сообщено слѣдующее: «Высочайшая, точно измѣренная секвоя (Wellingtonia) растетъ близь Стоктона, въ Калифорніи. Она имѣетъ около 325 фут. въ вышину и представляетъ высочайшее дерево этого вида. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдователи открыли много огромныхъ эвалиповъ въ Джинслендѣ (Викторія, въ Австраліи); такъ, одно сломленное дерево, измѣренное первымъ въ той странѣ лѣсничимъ, на берегу рѣки Уотсъ, имѣло отъ корня до мѣста излома 435 фут. Если же сообразить, что вершина дерева была отломлена, и что въ мѣстѣ излома окружность его равнялась 9 фут., то общая высота его должна быть не менѣе 500 фут. Слѣдовательно это дерево значительно превосходило высочайшую изъ найденныхъ секвой. Недавно, въ округѣ Даужнонгъ, тоже въ Викторіи, нашли одинъ экземпляръ Eucalyptus amigdalesia, имѣющій отъ корня до точки прикрѣпленія первыхъ вѣтвей 380 фут., а общая высота его равняется 450 фут. Обхватъ его на высотѣ груди — около 80 фут. Во всякомъ случаѣ, этотъ Eucalyptus amigdalesia—нынѣ высочайшее изъ растущихъ деревьевъ, значительно превосходящее страсбургскую колокольню по вышинѣ».

— **Царица песковъ—Манна** (Gliceria fluitans) Главнѣйшая задача сельскаго заботливаго хозяина состоитъ въ извлеченіи возможно большихъ выгодъ изъ почвы. Практическое разрѣшеніе этой задачи бываетъ чрезвычайно затруднено на почвахъ легкихъ, песчаныхъ, тамъ, гдѣ родится посредственная рожь, а картофель — вовсе не удается. Участки подобной земли встрѣчаются во многихъ хозяйствахъ, стоятъ иногда даже невоздѣланными и, въ крайнихъ случаяхъ, служатъ тощимъ пастбищемъ для тощаго живого инвентаря. Такая малоцѣнная почва, на которой не родятъ ни рожъ, ни греча, ни картофель и т. п., гдѣ немогутъ произрастать сочныя луговыя травы, съ большой выгодой можетъ быть употреблена для воздѣлыванія на ней манны, не даромъ прозванной царицею песковъ. Открытіе это сдѣлано въ послѣднее время однимъ опытнымъ чешскимъ земледѣльцемъ, посѣявшимъ манну на $^1/_2$ десятинѣ сыпучаго песку, съ котораго собралъ 4 четверти зерна, причемъ онъ замѣчаетъ, что если бы земля была лучше, то и урожай былъ бы несравненно больше. На это обстоятельство мы обращаемъ вниманіе нашихъ отечественныхъ земледѣльцевъ. При постоянно возрастающихъ потребностяхъ по необходимости приходится хлопотать о возвышеніи доходности съ такихъ участковъ земли, которые, пустуя годами, вмѣсто пользы, иногда служатъ только бремянемъ. Манна хорошо родитъ на всякой почвѣ, кромѣ глинистыхъ. Посѣвъ манны производится въ половинѣ мая, въ количествѣ 4 мѣръ сѣмянъ на десятину. Послѣ всхода посѣва, поле боронуется вдоль и поперегъ съ цѣлью уничтоженія сорныхъ травъ. Въ половинѣ августа манна жнется, подобно просу, серпами. Такъ какъ манное зерно, подобно ячменю, легко осыпается, то операцію сбора слѣдуетъ производить осторожно, въ особенности, при свозкѣ сноповъ съ поля и, если послѣдніе были подмочены, послѣ ихъ сжатія. Манна не пострадаетъ отъ того, если ее свозятъ съ поля не совершенно просохшей. Д-ръ Люгенталь утверждаетъ, что, по своей питательности, вкусу, манная каша не только не уступаетъ другимъ крупамъ, но значительно превосходитъ ихъ этими качествами. Въ заключеніе мы скажемъ, что манная солома составляетъ превосходный кормъ для скота. Сыромолотное, сырое манное зерно необходимо, ранѣе переработки его на мельницѣ на крупу, хорошо просушить, но сушеное въ печкѣ или въ зерносушильнѣ (по замѣчанію чешскаго хозяина) не годится на сѣмяна.

— **Оригинальный способъ ловли крысъ и мышей.** На дно бочки кладется стоймя (т. е. узкимъ концомъ къ верху) обыкновенный кирпичъ, послѣ чего бочку наполняютъ водой почти въ уровень съ верхнимъ краемъ поставленнаго кирпича. Сверху бочка покрывается папковымъ листомъ, съ крестообразнымъ разрѣзомъ по серединѣ, сдѣланнымъ такимъ образомъ, чтобы, образующіеся между разрѣзами папковые треугольники, могли легко и свободно наклоняться къ низу. Приманка прикрѣпляется на соприкасающихся углахъ треугольниковъ. Къ бочкѣ, съ боку, приставляется доска на столько отлого, чтобы крысы могли свободно пройти по ней къ приманкѣ. Гдѣ крысъ много, онѣ незаставятъ долго ждать себя и коль скоро одна изъ нихъ приблизится къ приманкѣ, уголъ треугольника наклоняется подъ тяжестью звѣрька и несчастный проваливается внизъ. Барахтаясь въ водѣ, крыса старается попасть на сухой кирпичъ; но вскорѣ за нею постигаетъ подобная участь вторую крысу, вслѣдствіе чего завязывается борьба на жизнь и смерть между обѣими плѣнницами, старающимися завладѣть сухимъ мѣстечкомъ, которое остается за побѣдителемъ. Шумомъ происходящей борьбы привлекаются новыя крысы, которыхъ ожидаетъ участь предъидущихъ.

— **Мачиха-чудовище.** Въ Вьенскомъ департаментѣ приговорена къ смертной казни 20-лѣтняя женщина, по имени Марселина Гюйо. Два года тому назадъ, будучи уже вдовой, она вышла замужъ за вдовца, у котораго было двое дѣтей: мальчикъ 6 и дѣвочка $2^1/_2$ лѣтъ. Отецъ — личность слабохарактерная, проводилъ весь день на работѣ и незналъ, что у него дѣлается дома. Истощеніе и болѣзненный видъ дѣтей онъ приписывалъ наслѣдственной чахоткѣ — ихъ мать умерла этой болѣзнью. А между тѣмъ, мачиха терзала ихъ немилосердно, особенно дѣвочку, которую она морила голодомъ и осыпала побоями съ утра и до вечера. Когда какая-нибудь сострадательная сосѣдка давала ребенку кусокъ хлѣба, Марселина отнимала его у него и кричала: «Если вы ей будете давать ѣсть, я еще больше стану ее бить!» Малютка, одѣтая въ отрепья, обутая въ деревянные башмаки безъ подошвъ, была худа и блѣдна, какъ мертвецъ. Все тѣло ея было покрыто синяками и рубцами, на лѣвой ногѣ отъ гангрены отпали три пальца; лицо ея было въ морщинахъ, животъ вспухъ. Вскрытіе открыло въ желудкѣ и въ кишкахъ 16 мѣдныхъ и стальныхъ булавокъ, 2 иголки, 2 куска дерева въ 3 милиметра и 1 кусокъ въ 4 сантиметра величины. Все это заставили ребенка глотать, чтобъ уморить его. На допросѣ подсудимая пыталась было свалить вину на мужа, утверждая, что она дѣйствовала по его наущенію и желанію.

— Онъ заставлялъ меня держать ей руки, а самъ поилъ ее супомъ и виномъ съ иголками и булавками...

Но несчастный отецъ съ такимъ неподдѣльнымъ ужасомъ отрекся отъ взводимой на него клеветы, что подсудимая должна была отказаться отъ такого способа защиты и во всемъ созналась. Впрочемъ, на судѣ, она снова пробовала свалить на мужа часть своей вины.

— Это ты заставлялъ ее глотать иголки!

— Лжешь!

— Ты злой, фальшивый человѣкъ! Зачѣмъ только я вышла за тебя замужъ!

— Еслибъ меня посадили въ одну тюрьму съ тобой, я бы разорвалъ тебя на куски!

— Ты заслуживаешь такого же наказанія, какъ и я!

— Ты уморила дѣвочку, ты вѣрно хотѣла также уморить и мальчика, а потомъ и меня.

Впечатлѣніе, производимое этой сценой на слушателей, было такъ тягостно, что эту очную ставку надо было прекратить.

Послѣ чтенія приговора, чудовище-мачиха разрыдалась и съ громкими криками протестовала противъ снисходительности, оказанной ея мужу... Она ожидала, что и его тоже приговорятъ къ смертной казни... Нѣтъ словъ описать ея ужасъ, отчаяніе и гнѣвъ!

— **Электрическія желѣзныя дороги.** Скоро въ Германіи будутъ строиться электрическія желѣзныя дороги. Börsen Zeitung сообщаетъ, что г. Вестфаль строитель желѣзныхъ дорогъ, предполагаетъ устроить въ большихъ нѣмецкихъ городахъ рельсовые пути, эксплуатируемые посредствомъ электричества. Съ двумя первыми электрическими линіями произведены были уже опыты въ Берлинѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 31-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 4-го августа въ 6 часовъ утра, на иногороднюю почту 5-го августа въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 10 Августа 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)